

Глава VI. Поляризация

“ Оглядываясь теперь на прошлое, я вижу, что первая половина года была решающей.

Илья Эренбург

Два полюса

Остановив противника под Мадридом, республиканцы могли передохнуть. Но эта передышка от осеннего напряжения, сплочения всех сил, открывала дорогу для выхода на политическую поверхность принципиальных политических противоречий, разделявших силы широкой антифашистской коалиции. Причем полюсами этого противостояния были не правое (либеральное) и левое крылья коалиции, а две ее крайне левые силы — коммунисты и анархо-синдикалисты.

Коммунисты понимали, что основная сила, способная противостоять им в республиканском лагере — это анархо-синдикализм. Выступая в октябре на секретариате ИККИ, А. Марти говорил: «Налицо только две силы: анархисты и коммунисты. Социалисты отошли на задний план вследствие внутренних раздоров и не способны взять в свои руки инициативу. В общем, анархистские профсоюзы пользуются не меньшим влиянием, чем профсоюз Кабальеро»[707]. Несмотря на то, что влияние лидеров и структур ИСРП было все еще велико, в главном Марти был прав — за каждой из фракций социалистов стояла более решительная сила с ясной концепцией революции. Республика могла двигаться по двум расходящимся направлениям — самоуправленческому или авторитарно-этатистскому.

Влияние КПИ быстро росло. Численность КПИ к середине 1937 г. возросла до 250 тысяч членов. Быстро росла и прокоммунистическая ОСПК — за шесть месяцев выросла с 10 до 43 тыс. членов.

С одной стороны, коммунисты имели имидж радикальности и решительности. С другой стороны, они выступали за укрепление государственных структур, что в условиях войны расценивалось как «реализм» (в сравнении с анархистами). Это сочетание приводило в ряды КПИ политически активных радикально настроенных революционеров, которых не устраивала теория и практика анархо-синдикализма. Организованность и деловитость компартии импонировала сторонникам «порядка», даже если они были далеки от социалистических идей.

Усиление влияния коммунистов было связано не только с их организованностью и дисциплиной, но и с военной помощью Советского Союза, в обмен на которую испанская

демократия готова была терпеть усиленную инфильтрацию КПИ и ОСПК в государственные, особенно в силовые структуры. А это, к тому же, давало людям, примкнувшим к коммунистам, хорошие перспективы для карьеры, для защиты от революционности масс. Советские дипломаты признавали: «Рост партии идет в непропорционально большей степени за счет крестьян, мелких торговцев и ремесленников, чем за счет рабочих»[708]. Посол Л. Гайкис отмечал рост влияния компартии «среди значительной прослойки мелкой буржуазии города и деревни, для которой партия является гарантом революционного правопорядка и законности»[709]. Если у мелкого лавочника есть партбилет компартии, то его уже не отнесут к «фашистам». Партийный билет был сертификатом лояльности, даже если революция станет более радикальной. Но пока лидеры коммунистов могли демонстрировать умеренный курс, соответствовавший линии Коминтерна и СССР. Кремль заложил руль направо, к умеренности, консолидации республики и союзу с Францией.

Государства Запада не могли спокойно смотреть, как рядом с ними усиливается влияние прокоммунистической державы. Сталин пытался успокоить их, демонстрируя в Испании умеренность коммунистической политики.

Отказ коммунистов от поддержки создания Советов в Испании имел и другую причину — недостаточное влияние компартии в среде рабочего класса. Еще 23 июля 1936 г., выступая на секретариате ИККИ, Г. Димитров сказал: «Нельзя ставить на данном этапе задачу создания Советов и стараться установить диктатуру пролетариата в Испании... Когда наши позиции укрепятся, мы сможем пойти дальше»[710]. Поддержка Советов в условиях растущей революционной волны привела бы к тому, что коммунисты оказались бы в этих органах в заведомом меньшинстве. Государственный и военный аппарат давал более надежные политические перспективы коммунистам, а умеренный политический курс должен был успокоить Францию.

Тогда же Димитров начал формулировать новую тактику захвата власти в Испании через армию: «Если бы удалось взять гарнизон в центре, мы могли бы по-болгарски и по-гречески в 24 часа создать переворот, свергнуть правительство Асанья рано утром, издать манифест нового правительства, настоящего республиканского демократического правительства и т. д.»[711]. Димитров предлагает провести «очистку» армии, а не заменять ее милицией. Милиционная система, таким образом, оказалась препятствием для взятия власти через армию. С началом войны КПИ стала «воюющей партией», насыщавшей армию и особенно командный состав своими кадрами. Однако развитие событий оказалось менее динамичным, чем казалось в июле.

Руководство СССР и Коминтерна решило поддержать «парламентский путь» революции в Испании. В письме к Ларго Кабальеро от 21 декабря 1936 г. руководители ВКП(б) отмечали: «Вполне возможно, что парламентский путь окажется более действенным средством революционного развития в Испании, чем в России»[712].

В Испании отработывался вариант прихода к власти коммунистов в условиях сохранения парламентских институтов. Впоследствии этот вариант будет успешно воплощен в жизнь в Восточной Европе[713]. Это направление «революционного развития» предполагало укрепление влияния коммунистов в аппарате власти (прежде всего в армии и силовых

ведомствах), создание правящей группы на основе компартии и части социалистов и либералов, готовых ориентироваться на Москву. Этот постепенный переворот включал чистки против противников правительства, слияние компартии с очищенными от оппозиции социалистическими партиями, сохранение также «очищенных» немарксистских партий в управляемом коммунистами «фронте», своего рода «комсомоле для взрослых».

Такой путь мог обеспечить создание коммунистического режима без открытого переворота, разрушения республиканских институтов. Однако для успеха такого сценария существовало одно важнейшее условие: структуры самоорганизации трудящихся должны быть лишены реальной власти, которую они получили в ходе революции.

Такой курс на начальной фазе его проведения предусматривал сплочение вокруг КПИ единой «партии порядка», требовал от коммунистов гораздо большей умеренности, чем прежде. Такая позиция сделала их союзниками правого крыла социалистов («центристов» ИСРП) и либералов-республиканцев. Началось сближение компартии с президентом Асаньей, что будет иметь далеко идущие последствия. Асанья быстро оценил начавшиеся в КПИ сдвиги и уже в сентябре заявил: «Если вы хотите иметь правильную оценку положения, если вы хотите видеть людей, которые знают, чего они хотят, читайте „Мундо обреро“»[714] (то есть — издание коммунистов).

Очевидно, что превращение Испании в тринадцатую республику СССР не устраивало в Республике почти никого, в том числе и либералов, правых социалистов и каталонских националистов. Но в это время все они больше опасались анархистов у себя под боком, чем Сталина в далекой Москве. За различием в отношении к советскому присутствию скрывалось различное отношение к революции, которое и разделяло два лагеря Республики. При этом социал-либералы не понимали, что к тоталитаризму можно прийти не только путем революционного взрыва, но и с соблюдением «внешних приличий» и видимой легальности. Они полагали, что КПИ следует в фарватере их умеренной политики, хотя на деле способствовали укреплению позиций будущей «народной демократии» (употребляя восточноевропейский термин 40-х гг.).

Лозунгом КПИ стало: «Сначала война, потом революция». Однако за этим стояло недовольство именно той революцией, которая разразилась в июле 1936 г. Другая революция, основанная на национализации, коммунистов вполне устраивала, они готовы были уже сейчас проводить меры, направленные на огосударствливание экономики. То, что для либералов и правых социалистов казалось временной данью войне, для коммунистов было дорогой к социализму. Курс на централизацию и милитаризацию общества диаметрально противостоял стремлению анархистов и левых социалистов укрепить общественное самоуправление.

Областной пленум ФАИ 8 декабря 1936 г. принял резолюцию, в которой требовал «ликвидировать паразитическую бюрократию, значительно возросшую в настоящее время как на фабриках, так и в мастерских, равно как и в муниципальных органах государства»[715]. Таким образом, революция должна быть направлена против бюрократии, в том числе республиканской. А это не устраивало как либералов и правых социалистов, так и коммунистов, стремившихся к огосударствливанью, этатизации экономики.

«Фрагуа социаль» 13 марта 1937 г. прямо выступила против лозунга компартии «Первым долгом надо выиграть войну». Надо разъяснить, ради чего победа: «для перестройки буржуазно-демократической республики, для установления пролетарской диктатуры или для организации свободного коммунизма... Скрывать это намерение — худшая форма пораженчества»[716].

Отказ от социальной революции до конца войны, который проповедовали коммунисты, был несовместим с уверенностью анархистов в том, что именно эти революционные преобразования обеспечат левым силам поддержку населения, необходимую для того, чтобы выиграть войну. «Пролетариат не может и не должен прерывать начавшийся процесс революции, который сейчас является гарантией успеха в войне против фашизма...» — говорится в документах НКТ[717]. Уже в декабре 1936 г. «Солидаридад обрера» критиковала коммунистов за лозунг «сначала выиграем войну»[718]. Анархисты считали, что в случае отказа от глубоких преобразований массы не будут понимать, за что они сражаются.

Именно против анархо-синдикалистов были направлены директивы Исполкома Коминтерна (ИККИ), призывавшие «решительно бороться против авантюристического прожектерства, направленного к созданию нового общества...»[719].

А ведь анархо-синдикалисты превратились в большую силу. В целом по Испании численность НКТ достигла миллиона членов, а в 1938 г. — двух с половиной миллионов[720]. Наибольшее количество членов НКТ трудилось в Каталонии — около 600 тыс. членов. В 1937 г. в ВСТ было 475 тыс., в Союзе арендаторов — 40 тыс., в Федерации трудящихся деревни — 80 тыс. членов[721].

Характеризуя ситуацию в Каталонии, советский консул В. Антонов-Овсеенко писал: «Свыше половины рабочих — в рядах НКТ, которая располагает гораздо более солидными, энергичными и толковыми кадрами, чем ВРС»[722] (имеется в виду ВСТ).

Политика сотрудничества НКТ с другими силами предполагала сближение с ВСТ (этого требовали и решения съезда в Сарагосе). Синдикалисты вообще предпочитали союзу с партиями союз с профсоюзами как родственными организациями. В профсоюзах влияние партийной идеологии было слабее, а задачи непосредственной защиты нужд трудящихся выражались рельефнее. Ряд союзов ВСТ тяготели к НКТ. 22 февраля 1937 г. арагонские организации НКТ и ВСТ заключили договор о сотрудничестве, который был основан на идее политического плюрализма: «если взять в расчет различие в программах разных секторов антифашистского фронта, ...попытка внедрить ограниченный тип экономического и политического устройства была бы самоубийственна и фатальна для нашей борьбы»[723]. Анархо-синдикалисты высказывались за слияние профсоюзов в масштабах страны. ВСТ не возражал против такой постановки вопроса, но каждый раз сближение прерывалось из-за разнообразных частных конфликтов. Министерство внутренних дел даже предлагало создать согласительную комиссию двух профцентров, но ВСТ отклонил это предложение[724].

В то же время анархо-синдикалисты не скрывали, что сближение с ВСТ «представит более безопасный путь к полному вытеснению политических партий или хотя бы значительному ослаблению влияния центризма, которое усиливается в недрах ВСТ»[725]. Перспектива вытеснения не радовала этактистов в ВСТ. В марте 1937 г. коммунисты отметили «опасное сближение СНТ и УХТ[726], которое наметилось в последнее время, — сближения под гегемонией анархистов»[727].

* * *

Коммунистические руководители возмущались ситуацией, сложившейся в синдикализированном секторе. Выступая на заседании секретариата ИККИ 7 марта 1937 г., А. Марти так характеризовал ситуацию в экономике Испании: «Предприятия. — Кто ими руководит? Профсоюзы — каждый за себя, без плана, как заблагорассудится. Промышленность „синдикализирована“ по анархистскому образцу. Каждое предприятие работает не только без плана, но и без отчетности»[728]. Последнее обстоятельство для коммуниста казалось, конечно, возмутительным. Но с коммунистической логикой соглашались и либеральные деятели Республики, которые, казалось бы, должны были отстаивать свободу предприятий и критиковать НКТ с противоположных позиций — за регулирование. Ан нет, республиканцы заражаются от коммунистов этактизмом, начинают движение в идейном фарватере коммунистов. Действительно, теперь только государство может защитить собственность от экономической демократии. «Национализация существует на бумаге, но почти не проводится на практике, — продолжал Марти. — Разумеется, можно не касаться предприятий, принадлежащих иностранцам, можно сохранить за ними некоторые права, но в общем и целом национализация является единственным средством для преодоления существующей анархии»[729].

Выступая по радио 1 января 1937 г. с изложением линии КПИ, Д. Ибаррури заявила, в частности: коммунистическая партия считает необходимым, «чтобы правительство... пользовалось всей полнотой власти, и чтобы все граждане и организации уважали решения этого правительства и его органов, подчинялись им и выполняли их». Также Пасионария выступила за национализацию основных отраслей промышленности и руководство ею из единого центра[730].

КПИ выступала за установление со временем режима, подобного тому, который существовал в СССР. Но сталинский режим выдавался за образец демократии: «Вся Испания никогда не забудет братских слов великого Сталина — отца советской демократии, обращенных к испанскому народу», — писала Д. Ибаррури[731]. Конечно, романские коммунисты (это касается не только испанцев, но и многих эмигрантов Коминтерна), не считали нужным копировать путь к социализму СССР. Но результат, достигнутый в Стране Советов, в это время вполне устраивал их в качестве образца.

Анархистская пресса остро критиковала коммунистов за «желание пробраться на все командные посты»[732]. «Хозяева Компартии не должны удивляться, если, когда они пытаются неподобающим образом действовать на почве, непривычной для их пропагандистских способностей, несмотря на нашу большую симпатию, они получают

наилюбезнейшим образом по голове»[733], — иронизировала анархистская «Фрагуа социаль» 31 марта 1937 г. и продолжила тему 18 апреля: «Испанский пролетариат не похож на немецкий или русский, какой бы ни была наша симпатия к антифашистам этих стран»[734]. Острие этих высказываний направлено против СССР и Коминтерна.

Выступая на массовом митинге 20 сентября 1936 г., Лопес говорил: «Имеется одна партия, которая хочет монополизировать революцию. Если эта партия будет продолжать свою линию, мы решили ее раздавить. В Мадриде находится иностранный посол, вмешивающийся в испанские дела. Мы его предупреждаем, что испанские дела касаются лишь испанцев»[735]. По мнению А. Марти Х. Лопес был наиболее резким противником коммунистов. Он поддерживал тесные контакты с анархистскими эмигрантскими кругами в Европе, включая «русскую еврейку» Эмму Голдман[736]. Информация об опыте Российской революции и об СССР, распространявшаяся анархистской эмиграцией, была неблагоприятна для коммунистов. Но влиятельные лидеры НКТ, включая Дуррути, выступали за единство с коммунистами, без которого нельзя победить франкизм[737]. Тем не менее, и эти лидеры не были «друзьями СССР». В сентябре 1936 г. в интервью П. ван Паасену Б. Дуррути резко высказался против ориентации на «фашистское варварство Сталина»[738]. Анархист Э. Понс Прадес вспоминает, что «историческая память Кронштадта, Украины и ликвидации анархистов большевиками была жива»[739].

Советское вмешательство было связано с военно-технической помощью СССР, и угрозы «раздавить» коммунистов скоро стихли. Но сотрудничество оставалось вынужденным, в чем обе стороны отдавали себе отчет. «Я знаю, — говорил Х. Гарсиа Оливер Х. Коморрере, — что вы хотите устранить нас, как русские большевики устранили своих анархистов»[740].

Первоначально коммунисты сравнительно терпимо относились к анархистским выпадам. В. Кодовилья докладывал секретариату ИККИ: «С точки зрения политической есть тоже различные группы, например, Дуррути, Гарсиа Оливер, которые честно дерутся, чтобы через анархию установить коммунизм в Испании... Они говорят (в обращении к трудящимся СССР — А. Ш.): „вы произвели свой эксперимент, дайте теперь нам произвести свой опыт, мы покажем Вам, что мы установим анархический коммунизм, не пойдя путем России“. Эти менее опасны, ибо в ряде проблем они, несмотря на свои анархистские утопии, занимают позицию, очень близкую к нашей. По крайней мере они дерутся»[741].

Несмотря на разногласия коммунистов и анархо-синдикалистов, линия на сотрудничество в рамках антифашистского фронта давала плоды. 25 октября 1936 г. был заключен пакт о единстве действий ОСПК и НКТ-ФАИ.

Антонов-Овсеенко подозревал, что уже в феврале лидеры анархистов пришли к выводу о «неизбежности, в более или менее близком будущем открытого столкновения с коммунистами»[742]. Но вплоть до апреля 1937 г. анархо-синдикалисты воздерживались от прямой конфронтации с коммунистами.

* * *

Сделав выбор в пользу сотрудничества с «государственниками», лидеры НКТ столкнулись с серьезными проблемами в своей организации. Давление противников сотрудничества с коммунистами в НКТ было сильным.

На Каталонском конгрессе НКТ 20 марта — 3 апреля 1937 г., который официально представлял 980 тыс. членов (по данным советского консульства, в действительности около 600 тыс.), 150–200 тыс. поддерживало оппозицию, критиковавшую сотрудничество НКТ с Народным фронтом[743]. Лидер Оспиталетских анархистов Шена прямо угрожал Народному фронту «не мирным» путем революции[744]. Против Шены на Конференции выступил секретарь областной организации Мас. А вот Доменеч, считавшийся «очень ответственным», поддержал Шену[745]. Дошло до того, что Абад де Сантьян предупредил коллег в Женералитате о возможном путче экстремистов[746].

Таким образом, внутренняя напряженность в НКТ усиливала напряженность в Каталонии, но при этом НКТ как организация превращалась в опору стабильности. Атака против НКТ подрывала стабильность в Каталонии.

Коммунистам было выгодно усиление конфликтов между умеренными и экстремистами в НКТ. «Разрыв с такой сильной группой привел бы к расколу НКТ и поглощению ее социалистическим всеобщим союзом трудящихся»[747]. Но давление радикалов делало и умеренных лидеров НКТ менее уступчивыми в отношениях с коммунистами и другими партиями.

Гарсиа Оливер говорил М. Кольцову: «Анархисты отдали и готовы дальше отдавать жизнь революции. Больше, чем жизнь — они готовы даже сотрудничать с буржуазным антифашистским правительством. Ему, Оливеру, трудно убеждать в этом анархистскую массу, но и он, и его товарищи делают все, чтобы дисциплинировать ее, поставить ее под руководство всего Народного фронта: и это удается, ведь его, Оливера, уже обвиняли на митингах в соглашательстве, и в измене анархистским принципам. Пусть коммунисты учтут все это и не слишком натягивают струну. Коммунисты чересчур прибирают к рукам власть»[748].

Хотя радикальные анархисты потерпели поражение на конгрессе НКТ, они сохранили позиции в региональном комитете[749]. Позиции анархистов-радикалов были сильны в Барселонской федерации, Барселонском союзе анархистской молодежи, Оспиталетской организации и еженедельнике «Идеас»[750].

Умеренной политике НКТ требовалось соответствующее идеологическое обеспечение. Стало невозможным, чтобы «Солидаридад обрера» продолжала издаваться командой Калехаса, которая выступала против политики сотрудничества НКТ и Народного фронта. Калехаса сменил Торио, которого радикалы обвиняли в том, что он выкинул из «Солидаридад обрера» ряд старейших анархистов и заменил их «бывшими буржуазными журналистами»[751].

На конференции анархо-синдикалистской прессы 28 марта 1937 г. издания НКТ были подчинены руководящим органам конфедерации, что противоречило принципам анархизма, но объяснялось трудностями военного времени. Контроль над прессой был усилен

решением пленума НКТ 17 апреля 1937 г., который ввел ответственность редакций за публикации[752].

Авторитарные тенденции в НКТ были связаны с несколькими обстоятельствами. Во-первых, большая организация в индустриальную эпоху имеет склонность к бюрократизации. Во-вторых, действовал харизматический авторитет лидеров, не имевших возможности в быстро менявшейся ситуации согласовывать каждое свое решение с широкими массами рабочих. В-третьих, анархо-коммунистическая идеология признавала давление коллективов на личность. А от имени коллектива часто действуют его лидеры. В-четвертых, оружие, оказавшееся в руках трудящихся, само по себе порождает соблазн навязать свои взгляды не силой убеждения, а насилием. Однако политическое насилие сдерживалось тем, что каждое идейное течение от либералов до коммунистов имело свои вооруженные формирования. И, в-пятых, война требовала «временных мер», связанных с борьбой за единство сил перед лицом фашизма.

Хотя трения между правительственными структурами и анархо-синдикалистским движением на местах были неизбежны, лидеры НКТ понимали важность помощи СССР и сохранения единства антифашистского фронта. Коммунистам казалось, что «наивных» анархистских лидеров можно будет переубедить, превратив из анархо-коммунистов в коммунистов-большевиков (некоторые коммунистические лидеры в прошлом были анархистами, что порождало надежды на подобную же эволюцию нынешних вождей НКТ). А. Марти говорил в январе: «В особенности важно терпеливо разъяснять анархистским руководителям, органам и анархистским массам, что наше сотрудничество с НКТ и ФАИ основано на общих интересах рабочего класса, что мы их рассматриваем как братьев по классу, как особо важную составляющую испанского пролетариата, что наше сотрудничество и наша совместная борьба имеют искренний характер, что это сотрудничество будет продолжаться и после победы над фашизмом в деле построения свободной и справедливой Испании»[753]. Трогательная сентенция, если учесть уверенность Марти в том, что «после победы мы с ними посчитаемся, тем более, что после победы мы будем иметь сильную армию»[754]. Но в своих публичных заявлениях коммунисты не жалели теплых выражений в адрес анархо-синдикалистов: «Особенно необходимое упрочение братских взаимоотношений с анархо-синдикалистами, к которому коммунистическая партия искренне стремится, в большой степени облегчается тем фактом, что в последнее время НКТ в ряде случаев на практике доказала способность делать из событий правильные тактические выводы, поняла необходимость создания сильной народной республиканской армии, высказалась за революционную военную дисциплину на фронте и в тылу, принимает участие в правительстве и проявляет готовность к образованию единого и централизованного руководства военными операциями на всех фронтах», — формулировал президиум ИККИ установки для пропагандистской работы КПИ 28 декабря 1936 г.[755] Добрый учитель поощряет начинающего исправляться ученика. Коммунистическая тактика в Испании повторяла шаги, предпринимавшиеся в свое время в отношении махновцев на Украине.

Консул В. Антонов-Овсеенко был как раз «специалистом» по махновщине[756]. НКТ поддержала несколько декретов правительства, и Антонов-Овсеенко делает вывод: «В среде анархо-синдикалистского руководства начинает решительно преобладать тенденция

к переходу на позиции демократической государственности...»[757] Антонов-Овсеенко докладывал в Москву 8 февраля 1937 г.: «Умеренные анархо-синдикалистские элементы, на практике убедившиеся в несостоятельности анархистских теорий, проявляют все более растущую склонность к отказу от этих теорий», но «не решаются открыто порвать с экстремистами»[758].

Здесь Антонов-Овсеенко, как и другие сторонники постепенной перевербовки анархистов в коммунисты, делает типичную ошибку человека, относящегося к анархизму как к заведомо ущербной идеологии. Стоит анархистам столкнуться с практикой, и они поймут, что анархистские взгляды (в их упрощенном восприятии Антоновым-Овсеенко) — ошибочны. Но дело в том, что столкновение с практикой приводит к замене упрощенных анархистских взглядов, действительно распространенных в радикальной массе, более сложными, более прагматичными, но все равно анархистскими, а не марксистскими взглядами. Антонов-Овсеенко уже мог убедиться в этом в 1919 г., общаясь с Махно. Но тогда Антонов убеждал себя, что Махно был без пяти минут большевик, и только грубость командования оттолкнула его от красных, а вот осторожный педагогический подход Антонова сделал бы из Махно красного комдива. Признать более глубокую основу конфликта коммунистов и анархистов, содержащуюся в том числе и в дефектах коммунистической идеологии, — значило признать провал своей тактики в 1919 г., а этого Антонов-Овсеенко не хотел. Он и в Каталонии продолжал свою линию 1919 г., надеясь взять реванш за неудачу с Махно. Вот-вот, и анархисты, отказавшись от экстремизма, придут в ряды коммунистов, как пришли уже многие их отдельные активисты. Антонов-Овсеенко не замечал, что умеренные анархисты смыкаются не с коммунистами, а с более близкими им левыми социалистами. И этот блок становится главной альтернативой компартии. Непонимание этой перспективы приведет политику Антонова-Овсеенко к краху в мае 1937 г.

Анархо-синдикалисты были готовы искать идеологические компромиссы с коммунистами и социалистами. Модель, предлагавшаяся анархо-синдикалистами, не исключала ни регулирования, ни концентрации управления. В беседах с советскими представителями Васкес и Монтсени утверждали, что готовы провести «мобилизацию промышленности» военного значения, усилить централизацию промышленности, лишь бы это не называлось национализацией[759]. Однако именно здесь и пролегал принципиальный водораздел: национализация передает государству права решать судьбу хозяйства после войны, а для лидеров НКТ было принципиально оставить эти рычаги в руках рабочих организаций. «Единственным вопросом, на котором они будут настаивать, это руководящая роль профсоюзов в управлении промышленностью. Но и тут они не исключают участия государства в виде регулирующего и контролирующего органа»[760]. Согласие на национализацию означало бы отказ от принципов, а централизация и регулирование — нет. В разгар войны централизация полезна, но после войны не государство, а синдикаты должны определять степень централизма хозяйственного регулирования.

Попытка коммунистов разделить задачи войны и революции вызывала у анархистов подозрение, что их революцию терпят постольку, поскольку сохраняется угроза фашизма. «СНТ» разъясняла суть опасений анархистов: пока массы будут бороться за победу, «известные силы, работая за кулисами, могут оказаться единственными силами, подготовленными для использования победы для обуздания революции»[761]. По

сообщениям из полпредства СССР в НКИД, анархисты опасались, «что после победы над Франко испанские коммунисты, с помощью СССР, бросят все свои силы на уничтожение анархистов» и «многие» коммунисты тоже этого ждут[762]. Анархистам нужны были гарантии на будущее. Монтсени предлагала выработать платформу сотрудничества с анархистами как до, так и после победы над фашизмом. В СССР к этой идее отнеслись с вниманием. В донесении из Барселоны в НКИД СССР подчеркнута фраза: «платформа экономического переустройства Испании, приемлемая для большинства анархистов»[763].

Представители НКТ считали, что такое централизованное управление обобщественными предприятиями может осуществляться с помощью отраслевых и провинциальных органов, директора будут назначаться по представлению профсоюзов. Это не национализация, которой добивались коммунисты. Платформа могла предусматривать и такие уступки в стиле НЭП, как свобода торговли, возвращение в частные руки предприятий свыше 50 человек, но при условии соблюдения социальных гарантий[764].

Казалось, «разъяснительная работа» коммунистов среди анархистов принесла плоды: «Целый фланг анархистского движения, фланг, о котором я только что говорил, со всеми его нюансами, идет с компартией под одними лозунгами»[765], — докладывал А. Марти. Лидеры НКТ в большинстве своем были анархо-коммунистами и потому, как и российские анархисты, выдвигали лозунги, близкие по звучанию лозунгам коммунистов-марксистов. Хотя в одни и те же слова вкладывалось разное содержание, коммунисты считали некоторых анархо-синдикалистских лидеров «завоеванными уже на сторону ряда лозунгов, являющихся нашими»[766]. Выступая на секретариате ИККИ, А. Марти причислял анархо-синдикалистских лидеров, в частности М. Васкеса, который в ноябре сменил Х. Прието на посту генерального секретаря НКТ, к «ядру, стоящему за единство», под которым Марти понимал противников «группы Кабальеро-Галарсы»[767].

Марти считал необходимым втягивать НКТ и ФАИ в Народный фронт, вести совместную борьбу против «безответственных элементов, выступавших (при правке текста исправлено на „выступающих“ — эти элементы все еще сильны — А. Ш.) под флагом НКТ и ФАИ со своими провокационными действиями...»[768].

В результате в конце 1936 г. — начале 1937 г. отношения коммунистов и анархо-синдикалистов были лучше, чем отношения последних с Ларго Кабальеро. Как сообщал Антонов-Овсеенко о беседе с одним из руководителей ОСПК, «крайне отрицательно отзываясь Пьеро о Кабальеро за его упрямую непримиримость к СНТ и ФАИ»[769]. Коммунисты надеялись использовать НКТ в начинающемся конфликте с Ларго Кабальеро.

«Испанский Ленин» или «махровый меньшевик»

Ларго Кабальеро называли «испанским Лениным». Однако коммунистом он не стал. Правый курс КПИ не устраивал Ларго Кабальеро и его сторонников. Они искали модель нового общества, которое образуется в ходе революции и будет соответствовать принципам

демократического социализма. Познакомившись поближе с идеями, которые отстаивали вошедшие в правительство синдикалисты, кабальеристы стали склоняться к идее создания общества, базисом которого являются профсоюзные организации трудящихся. Отношение Ларго Кабальеро к социальной революции «по-испански» эволюционировало, но не было враждебным. 1 февраля 1937 г. он заявил в кортесах: «Уже достаточно напробовано»[770]. Сделанного достаточно, нужно сохранить и упорядочить новые социальные отношения, но не отменять их. Это было близко и позиции лидеров НКТ, которые стремились упорядочить коллективизированный сектор. Каталонский конгресс НКТ 20 марта — 3 апреля 1937 г. решил не форсировать коллективизацию промышленности и борьбу с мелкой буржуазией[771]. Необходимо было упорядочить то, что уже получено в результате революции. Однако это воспринималось только как пауза на пути к синдикалистскому переустройству общества, на что указывали и советские наблюдатели: организация НКТ строится с упором на отраслевую «с явной целью форсировать коллективизацию этих отраслей»[772].

В то же время курс Ларго противоречил планам коммунистов и социал-либералов, направленным на ликвидацию производственной демократии.

В декабре 1936 г. начались переговоры о слиянии КПИ и ИСРП. В Испании существуют две марксистские, «рабочие» партии, объединенные, как казалось, общим курсом в правительстве — чем не возможность для объединения. Но процесс шел туго. Только 24 апреля 1937 г. был создан Национальный комитет связи двух партий. В Коминтерне опасались, что, как это уже было в Венгрии в 1919 г., при немедленном объединении коммунисты не смогут установить контроль над объединенной партией. Социалисты пока превосходили коммунистов численно, да и лидером объединенной партии очевидно становился Ларго Кабальеро. Этот популярный и самостоятельный лидер страны мог бы стать препятствием для создания после победы над Франко Испании, «руководимой коммунистами»[773].

В августе 1937 г. Ларго Кабальеро (на мой взгляд, ошибочно) объяснял начало атаки коммунистов против него, в частности, тем, что из Москвы рекомендовали создать единую партию во главе с Ларго Кабальеро, но он отказался, опасаясь раскола ИСРП[774]. Формальное возглавление партии премьером по замыслу стратегов Коминтерна не мешало бы установлению контроля над объединенной партией со стороны коммунистического ядра. Но это неминуемо вызвало бы сопротивление со стороны правых и левых флангов. Как показывает более поздний опыт стран «народной демократии», эта проблема должна была быть решена с помощью чисток. Но Ларго Кабальеро как противник раскола оказывался препятствием на пути такого тихого переворота и должен был быть устранен и с поста премьера, и с позиции лидера партии. Сделав такой вывод в ходе переговоров об объединении ИСРП и КПИ, руководство Коминтерна склонилось к плану кампании против Ларго Кабальеро до начала объединения двух партий.

В то же время процесс объединения партий получил и поддержку противников Ларго Кабальеро в ИСРП. Генеральный секретарь ИСРП «Рамон Ламонеда рассматривал соглашение о создании объединенного комитета как оружие против левых социалистов»[775]. Решив, что коммунисты могут стать союзниками в борьбе против

революционного кабальеризма, социал-либералы вступили в опасную игру, и продолжали «моторить» дело объединения даже тогда, когда его уже не лоббировал Коминтерн. Но для Ламонеды, в отличие от Ларго Кабальеро, было важно договориться именно на уровне руководящего звена, а не на уровне самих партийных масс и местных структур[776].

В январе соцпартия публично форсировала процесс объединения. Но компартия получила указание Коминтерна не торопиться[777]. Нужно было сначала решить проблему Ларго Кабальеро[778]. А сам Ларго не замечал, что правый аппарат его партии работает с ориентацией на КПИ.

Фиксируя в январе 1937 г. ухудшение отношений Ларго Кабальеро и КПИ, Антонов-Овсеенко отмечает, что причины этого кроются в политике коммунистов: «За последнее время отношения между Кабальеро и коммунистической партией стали довольно натянутыми». Это вызвано, в частности, «монополизацией политработы в армии коммунистами, зачастую довольно бестактно игнорировавшими другие организации народного фронта»[779]. Ларго Кабальеро был недоволен репрессивными акциями коммунистов, «переманиванием» лидеров социалистической молодежи в КПИ, сближением коммунистов и его главного соперника в ИСРП Прието[780]. «Весьма вероятно, что Кабальеро рассматривал все эти факты как результат сознательного стремления коммунистов изолировать его»[781]. Однако за политическими комбинациями стояли стратегические разногласия левых социалистов и прокоммунистического блока. Ларго Кабальеро неприязненно говорил, что компартия «является самой умеренной партией»[782]. Как видим, советский консул признавал инициативу коммунистов в конфликте с Ларго Кабальеро и уже на его раннем этапе отметил, что за тактическими частностями стоит различие политических стратегий.

Ларго Кабальеро, как и большинство лидеров ИСРП, относился к коммунистам с опаской. Его не могло не волновать проникновение коммунистов в армию (особенно в ее политическое руководство). В 1937 г. в вооруженные силы было направлено 296 тысяч членов КПИ, ОСПК и прокоммунистической «Объединенной социалистической молодежи» (ОСМ) из 349 тысяч их состава[783]. При этом особое внимание уделялось продвижению кадров в командный и комиссарский состав. Коммунистические кадры, подготовленные в контролируемом компартией учебном 5-м полку, занимали командные посты и места комиссаров. Старые генералы Посас, Миаха и другие офицеры, оценив ситуацию, также вступили в компартию. Советских представителей беспокоило, что при этом они сохраняют членство в традиционных для Испании масонских ложах, чуждых коммунистической идеологии[784]. Получалось, что генералы скорее отдадут дань конъюнктуре, чем проникаются идеями КПИ.

Из 5 командующих корпусами в компартии состояли два, из 18 комдивов 8 были коммунистами и еще 4 — близки к партии[785]. В апреле 1937 г. из 11 дивизионных комиссаров 3 были коммунистами и 1 член ОСМ, из 51 комиссара бригад 24 были коммунистами, из 186 батальонных комиссаров — 93 коммуниста и 32 члена ОСМ[786].

Пропагандистская машина коммунистов обличала с одной стороны — милиционную «военную демократию», ограничивающую власть офицеров, а с другой — офицеров «старой школы», считая их источником предательства. Вывод напрашивался сам собой — армия должна быть дисциплинирована и подчинена офицерам-коммунистам[787].

Ларго Кабальеро стал предпринимать ответные меры, о которых советские военспецы с возмущением писали: «Борьба против коммунистов в армии приобретает все более широкий характер; смещение коммунистов с командирских и комиссарских должностей продолжается»[788]. Впрочем, это наступление на коммунистов на практике вылилось в восстановление баланса.

Ларго не утверждал в должности мадридского комиссара, а также 120 комиссаров центрального фронта (по советским данным, к этому приложили руку и «центристы»[789]). Также Ларго старался не давать комиссарам вмешиваться в планирование военных операций: «На доклад Михе о плане политобеспечения намечавшейся операции Кабальеро заявил, что операция — дело генералов, и Генеральный комиссариат не должен вмешиваться в это дело»[790].

Вообще, когда какой-нибудь министр интересовался военными вопросами и спрашивал у Кабальеро, какие есть новости, тот отвечал: «Вы узнаете об этом из газет»[791]. А. Виньяс комментирует: «Читатель может подумать, например, что военную политику определяло республиканское Правительство. Но это было бы ошибкой. Ларго Кабальеро передал эту функцию Высшему военному совету, но, так как совет не собирался, на практике именно Кабальеро как уполномоченный министр и председатель этого совета осуществлял руководство военными делами согласно своему добросовестному умению и пониманию»[792]. Это мнение А. Виньяса (он горячо отстаивал его и в устной дискуссии со мной) противоречиво. Если Ларго не собирал Высший военный совет, значит на деле он и не передал ему реальных функций. Это было не то место, где на деле принимались военные решения. Читатель не должен был думать о том, что ситуация на фронте должна обязательно обсуждаться именно в правительстве — большинство министров отвечают не за фронт, а за тыл. Чисто военная сторона дела — это сфера компетенции военного министра, министра авиации и флота, генерального штаба. Так и было в республике при Ларго Кабальеро. Хотя А. Виньяс пробует использовать эту тему для компрометации кадровых назначений Ларго Кабальеро в феврале 1937 г. (о чем ниже), дело было не в том, что Ларго Кабальеро мало советовался с невоенными министрами, а в характере его военной политики. А вот она вызывала раздражение и у социал-либералов, и у коммунистов, в том числе советских.

Главный военный советник Я. Берзин характеризовал Ларго Кабальеро как «махрового меньшевика»[793]. Премьер, видя благоволение советских специалистов коммунистам, относился к ним «подозрительно»[794].

Руководство Коминтерна уже во время прихода к власти Ларго Кабальеро относилось к нему с недоверием и даже враждебностью. Г. Димитров в сентябре 1936 г. говорил, что Ларго Кабальеро относится к тем деятелям социал-демократии, которые «отходят от позиций классового сотрудничества с буржуазией, отходят от реформизма — попадают в другую крайность, становятся экстремистами, проявляют свое сектантство, своего рода левацкие загибы»[795]. В октябре А. Марти характеризовал Ларго Кабальеро на заседании ИККИ как «тип плохого профсоюзного бюрократа» и жаловался на то, что премьер отвергает предложения коммунистов[796]. Таким образом, конфликт между коммунистами (не только испанскими) и Ларго Кабальеро вызревал уже с осени 1936 г.

ИСРП все сильнее разрывалась между курсом на социальную революцию и сотрудничеством с коммунистами, стремившимися остановить и повернуть в другую сторону ее поток.

Коммунистам было необходимо найти противовес Ларго Кабальеро в его собственной партии, и это оказалось несложно. В 1936–1937 гг. помимо коммунистов симпатии советских специалистов вызывает и лидер правого крыла ИСРП (формально — «центрист»), министр авиации и флота И. Прието. Несмотря на состояние «некоторой депрессии»[797], в котором он признавался советским товарищам, Прието казался оплотом деловитости и порядка, умел скрывать свой антикоммунизм, который более очевидно проявится в 1938 г. Выступая в январе 1937 г. Прието говорил: «Если бы не помощь России в данный момент, мы проиграли бы войну»[798].

И. Прието рисовал многообещающие перспективы союза СССР и Республики после победы над общим врагом: «В общем пролетарском деле уже ясно видно, что по-настоящему можно рассчитывать только на поддержку коллективистских стран. Если победа будет за нами, Испания, конечно, будет жить в дипломатическом окружении стран Запада, но другая связь, более глубокая, будет соединять нас со странами коммунистическими или социалистическими. Россия и Испания — вот клещи, которые с двух противоположных концов Европы будут сжимать капиталистические страны»[799]. По словам И. Прието, нужно использовать советский опыт, «чтобы Испания не начала бы с безумств и избежала бы искривлений»[800]. Фракция Прието в ИСРП казалась хорошим партнером для коммунистов.

Уже в декабре 1936 г. Я. Берзин предлагал делать ставку на Прието при смене правительства: «Он авторитетный, деловой и энергичный человек, политически же его может держать в руках Розенберг»[801] (имеется в виду полпред СССР). Так стала обсуждаться кампания против Ларго Кабальеро, которая развернется в феврале-мае 1937 г., и в которой ставка будет сделана на правое крыло ИСРП.

Как покажут дальнейшие события, И. Прието готов был принимать в советском опыте принципы твердого порядка и дисциплины, но перспективы глубоких социальных преобразований его не радовали. Не радовала Прието и его однопартийцев инфильтрация коммунистов в офицерский корпус. И. Прието и другие лидеры ИСРП стремились с помощью формальной деполитизации армии остановить ее переход под контроль КПИ. Министр финансов Х. Негрин запретил карабинерам, а министр внутренних дел А. Галарса — солдатам и офицерам национальной гвардии принадлежать к политическим партиям. «Это свидетельствует о тенденциях поставить армию „вне политики“, конечно, безнадежных в данной обстановке»[802], — сообщалось в Москву. Как показали дальнейшие события, скорее здесь проявилась тенденция использовать тыловые части как дубинку в политической борьбе против своих противников. Во всяком случае, эта тенденция вызвала неблагоприятную реакцию и в других частях. Комиссар дивизии А. Видаль говорил на совещании у Генерального комиссара в марте 1937 г.: «Солдаты думают, что завтра им могут запретить участвовать в политической жизни. Все это порождает значительное недовольство среди личного состава боевых частей»[803].

Стратегические различия курсов коммунистов и правого крыла ИСРП касались и внешней политики. Последние предпочли бы видеть в качестве партнера и защитника Францию. Однако на этом этапе войны вовлечение Франции в испанский конфликт входило и в планы Сталина, так что различие внешнеполитических ориентаций пока выливалось в разницу акцентов. Зато внешнеполитическая «структура момента» опять действовала против Ларго Кабальеро, «так как в глазах политиков Народного фронта радикальный имидж Ларго отчуждал Францию и Британию как потенциальных зарубежных союзников Республики»[804]. Внешнеполитические рассуждения оппонентов премьер-министра были наивными. После свержения Ларго Кабальеро имидж Республики сменится, а вот союзники так и останутся «потенциальными».

* * *

Коммунисты использовали советского полпреда М. Розенберга в качестве лоббиста своей политики[805]. Приехав в Мадрид, Розенберг принялся давать рекомендации и по составу правительства, и по основам его политики, а военный атташе — проект декрета об армии «по нашему образцу». Это вызвало недовольство в испанских политических кругах, особенно резко высказался один из лидеров НКТ Х. Лопес. Литвинов в этой ситуации указывал Розенбергу, что необходимо «воздержаться от всякого рода влияния на правительственные комбинации». Однако, как справедливо пишет В. В. Малай, «скорее, речь шла о формах и степени вмешательства»[806], тем более, что Москва могла более осторожно и негласно влиять на правительственные комбинации по линии Коминтерн — КПИ. В дальнейшем давление советских дипломатов и военных советников на испанских политиков и командование продолжилось, а советники временами и просто брали власть на фронте в свои руки.

Советские рекомендации, которые нередко высказывались в бестактной форме, не всегда принимались премьером с благодарностью. Ларго Кабальеро отказался уступить давлению советского посла в вопросе назначения высших военных кадров, включая требование отставки генерала Асенсио. Итог этой беседы был весьма драматичен: «Убирайтесь! Вы должны понять, господин посол, что испанцы могут быть бедны и нуждаться в помощи из-за границы, но они достаточно горды, чтобы не допускать, когда иностранный посол пытается своей волей управлять испанским правительством»[807]. После этого конфликта Розенбергу рекомендовали воздерживаться от прямого вмешательства во внутренние дела Испании, и советское посольство действовало осторожнее. Оно и не должно было вмешиваться во внутренние дела — это была епархия Коминтерна.

Ларго Кабальеро позднее писал о советских рекомендациях и инструкциях: «Они привыкли управлять массами, которые действуют механически, нисколько не раздумывая, без какой-либо аналитической или критичной мысли». Создавалось ощущение, что представители Союза прибыли в Испанию «как в академию, учиться и тренироваться». Более того: «В нашей войне испанское Правительство и, в частности, министр, ответственный за ход операций, а также генеральные штабы, особенно центральный, не смогли действовать полностью независимо, потому что им пришлось подчиняться против собственной воли безответственному иностранному вмешательству, не имея средств освободиться от него,

боясь поставить под угрозу помощь в поставке военных материалов, которую мы получали от России. Иногда, под предлогом того, что приказы не выполнялись с желаемой точностью, русское посольство и титулованные русские генералы позволяли себе высказывать свое недовольство, говоря, что если мы не считаем необходимыми и подходящими их сотрудничество, то мы можем ясно об этом сказать, чтобы они передали это своему правительству и ушли. И что делать при подобных угрозах?»[808].

Таким образом, с начала 1937 г. между Ларго Кабальеро и его сторонниками с одной стороны, и коммунистами (включая советских) с другой стала нарастать напряженность. Это произошло по трем основным причинам. Во-первых, левые социалисты не разделяли курс коммунистов, правых социалистов и либералов на свертывание самоуправленческой революции и на дальнейшую этатизацию. Во-вторых, Ларго Кабальеро противостоял кадровой экспансии коммунистов (и в этом его осторожно поддерживали однопартийцы справа, предпочитая, однако, оставаться в тени). В-третьих, Ларго Кабальеро демонстрировал самостоятельное поведение в отношении к советским рекомендациям о внешнеполитическом курсе и методах ведения войны. Первое вызывало недовольство Сталина, так как могло помешать его сложной дипломатической игре, а второе вызывало сомнения в успехе войны, ибо до 1937 г. Сталин доверял своим военным и полагал, что они то уж знают, как выиграть войну. В любом случае, победа республики, во главе которой стоял Ларго Кабальеро, не была бы победой Сталина.

* * *

На встрече с испанским послом М. Паскуа 3 февраля 1937 г. Сталин высказал мысль, которую собеседник Вождя записал заглавными буквами: «БЕЗ ДИСЦИПЛИНЫ И СИЛЫ НЕ ВЕДЕТСЯ ВОЙНА, И НЕ ДОСТИГАЕТСЯ ПОБЕДА»[809]. Поскольку республиканцы не всегда следовали этому принципу, у Сталина, по мнению А. Виньяса, «создавалось впечатление, что иногда Республика и не хотела победы. У нее были люди, хорошее вооружение, техника и вспомогательные материалы, но, в глубине души, Республика не хотела победить»[810].

Если в отношении парламентаризма советские руководители были пока терпимы к испанским лидерам, то вот в экономике они настаивали на принципиальной важности своего опыта. И это различие было не случайным. Политическая надстройка сменится в свое время, если все правильно организовать с «базисом».

Во время беседы Сталина с Паскуа присутствовали также В. Молотов, К. Ворошилов и журналист Н. Михайлов. Молотов высказался по поводу коллективизации, сославшись на советский опыт: «Земли конфисковывались в 1917 и 1918 гг., но колхозы были учреждены только двенадцать лет спустя. До 1935 г. результаты этой борьбы не были ясны. В Испании было необходимо добиться того, чтобы крестьяне остались с землей. Может быть, Правительство могло бы сделать торжественное заявление о поддержке лишенных собственности в Эстремадуре. Крестьяне знали, что сделал Франко. Они должны были также знать, что сделает Правительство. Они были склонны не доверять пропаганде, но хорошо отзывались на конкретные действия. Может быть, это не порадует некоторых военных и многих республиканцев, но необходимо выбирать. Каким способом была

достигнута победа большевиков в революции? Крестьянам было обещано дать землю, и это было сделано»[811]. Для Молотова коллективизация — необходимое для государства мероприятие, которое не выгодно крестьянству. Пока идет борьба за власть между революцией и открытой контрреволюцией, крестьян нужно подманить землей, а изъять ее уже на другом этапе. Дело не просто в том, что Молотов не учитывал принципиальных различий в характере коллективизации в Испании и СССР. Испанская революция развивалась как-то не так.

В любом случае, дело было не только в военных вопросах. Советских лидеров не устраивало направление Испанской революции, которая была слишком радикальной, да и шла «не туда».

Тень Троцкого

Авторитет Сталина был большим подспорьем сторонникам авторитарно-этатистской альтернативы Революции — ведь сталинский СССР был важнейшим союзником Республики. По словам комбрига Алексева, «Я не видел ни одного селения, где не было бы на стенах лозунга — „Виват комрад Сталину“. И наряду с этим ты не видишь ни портретов, ни приветствий своих испанских руководителей и вождей»[812].

Однако против авторитета Сталина систематическую борьбу вели коммунисты-диссиденты из ПОУМ. Они были опасны для планов Сталина, так как могли увлечь за собой часть коммунистов, разрушив их иллюзии по поводу СССР. Ведь «поумисты» также были марксистами-ленинцами, но обладали критической информацией в отношении сталинизма. По словам сотрудника НКВД В. Кривицкого, «успех Сталина в установлении контроля над Испанией зависел от его способности преодолеть мощную антикоммунистическую оппозицию в республиканском лагере. Необходимо было взять под постоянное наблюдение идеалистов из числа иностранных добровольцев, помешать им смыкаться с элементами, выступавшими против сталинской политики и амбиций»[813]. Прибыв в Испанию, руководитель иностранного отдела ОГПУ А. Слуцкий наставлял своих подчиненных в отношении «троцкистов» и «анархистов»: «Это — контрреволюционеры, и мы должны их выкорчевать»[814]. Члены ПОУМ обвинялись в том, что они являются одновременно агентами и Троцкого, и Франко. Но если с Троцким у ПОУМ была хотя бы общая идеология, то «связь с Франко» реконструировалась через «материалы» Московских процессов 1936–1937 гг. Раз троцкисты — агенты фашизма, значит ПОУМ — агенты Франко.

Поумисты не стеснялись в выражениях, обличая сталинский режим и его проникновение в Испанию. В условиях, когда СССР оказывал помощь Республике, это шокировало далеко не только коммунистов. Пропаганда ПОУМ активизировалась в связи с развертыванием террора в СССР. Член ЦК ПОУМ Ю. Горкин заявлял, что Сталин «приступает к политическому и физическому уничтожению всех оппозиционеров внутри России. Советский режим, также как и аппарат компартии, превращается в громадную бюрократическую пирамиду, наверху которой он себя провозглашает, как неоспоримый вождь»[815]. Орган ПОУМ «Ла Баталья» писала 24 января 1937 г.: «Сталин и Литвинов оставляют революционный марксизм и впадают в национализм»[816]. СССР занял место российской империи, советская

демократия уничтожена. Обличая советских лидеров в переходе от интернационализма к национализму, «Ла Баталья» не прочь была опереться на национальные чувства испанцев. 11 февраля она писала: «Испания не должна быть ни немецкой колонией, ни русской колонией»[817].

Разоблачительная кампания ПОУМ заставляла задуматься партнеров коммунистов — какую судьбу готовят им после победы над Франко. Хотя за плечами союзников компартии еще не было опыта стран «народной демократии» (именно в Испании он и отработывался), ужас сталинской чистки в СССР, со всей неприглядностью описывавшейся коммунистами-диссидентами, будил самые неприятные мысли. Критика нынешних коммунистов с ленинских позиций получила распространение и в ОСМ, где сохранилась оппозиция во главе с К. Эрнандесом.

Опасность ПОУМ для коммунистической пропаганды заключалась и в том, что раскольники коммунистического движения лучше всех в Испании знали его опыт, включая самые болезненные для Сталина страницы, среди которых переворот Чан Кайши стоял на одном из первых мест[818]. Политика «Народного фронта» была аналогична сталинской линии в Китае, которая десять лет назад закончилась сокрушительным провалом. 2 марта 1937 г. «Ла Баталья» напомнила об этом: «В Китае сделали то, что претендуют сделать в Испании — передать командование профессиональным военным... Эти военные, во главе которых был Чан Кайши, взяли на себя задачу задушить революцию. О парадокс! С оружием, полученным именно из России. Мы не хотим, чтобы этот опыт повторился»[819]. Коммунистам следовало срочно представить ПОУМ как банду пособников Франко и, следовательно, — клеветников.

После того как в декабре ПОУМ была «выкинута» из Женералитата, пошли слухи о подготовке ею путча «в контакте с экстремистско-гангстеровскими элементами НКТ». Якобы это выступление готовилось на январь 1937 г.[820] Но эти слухи не подтвердились. Они отражали реальный поворот в политике ПОУМ. Чтобы преодолеть свою политическую слабость, она сориентировалась на союз с радикальными анархистскими кругами, недовольными относительной умеренностью лидеров НКТ.

Критика сталинизма падала на подготовленную почву. 21 января 1937 г. Комитет анархистской молодежи, с которым стала активно сотрудничать ПОУМ, направил Антонову-Овсеенко письмо против Московского процесса «выдуманных троцкистов»[821]. Советский консул комментировал: «ПОУМ в настоящее время опасен не тем, что он насчитывает в своих рядах несколько тысяч человек, а тем, что пытается вовлечь в орбиту своей провокационной деятельности значительные слои СНТ, действуя через крайних анархистов»[822]. Более того, противники Сталина «протащили» в газету ОСПК «Требаль» статью о Троцком как спасителе Питера[823].

Антонов-Овсеенко делает вывод, вполне соответствовавший позиции советского руководства: «Лишь политический разгром ПОУМа создаст здоровые условия для длительного сотрудничества между Коммунистической партией и СНТ, ибо ПОУМ является штабом провокации, имеющим свои щупальца во всех организациях и особенно в СНТ и ФАИ»[824]. Такая демонизация ПОУМ была связана с недооценкой идейной

самостоятельности анархистов. Если они идейно противостоят коммунистам-сталинцам, значит за их спиной — другая сила. Стоит разгромить «теневой штаб троцкистов», и анархистов легко будет подчинить влиянию КПИ. Как мы видели, у коммунистов встречались и более реалистические оценки анархо-синдикалистов как принципиальных идейных противников Коминтерна. Однако если с анархистами, как казалось, предстоит «разбираться» после победы над Франко, то «троцкисты» оказались главным врагом СССР, что определило их имидж в Испании.

Сближение ПОУМ и анархистов вовсе не было результатом односторонней инфильтрации «троцкистов» в «хаотическую» анархистскую среду. Анархисты сознательно содействовали этому сотрудничеству: «Анархисты старательно приглашают ПОУМ на общие заседания, изолируя социалистов[825], отказывающихся от участия с ПОУМ»[826]. После охлаждения отношений с коммунистами анархисты использовали ПОУМ как красную тряпку, чтобы поставить коммунистов в неудобное положение, изолировать их от своих массовых мероприятий. Пытаясь изолировать ПОУМ с помощью жесткого бойкота, коммунисты переиграли себя и сузили собственные возможности воздействия на массы анархистов. Ведь коммунисты не могли участвовать в общих мероприятиях с «троцкистами». 19 февраля на совещании у Компаниса представители НКТ предложили привлечь ПОУМ к мероприятиям «недели войны». Представитель ОСПК вынужден был согласиться, но ЦК партии аннулировал это согласие, выставив тем самым коммунистов в невыгодном свете[827].

Особенной неприятностью для Сталина могло бы стать появление в Испании Троцкого и провозглашение им здесь, в героическом антураже, нового Интернационала. А. Марти с тревогой докладывал Исполкому Коминтерна о планах «троцкистов» созвать 1 мая 1937 г. Всемирный рабочий конгресс в Барселоне[828]. Не это ли заставило коммунистов форсировать борьбу за власть в Барселоне в начале мая? Хотя ПОУМ не успела подготовить конгресс к началу мая, да и сам Троцкий опасался приехать в Испанию, где он мог быть арестован агентами НКВД, угроза использования барселонской «площадки» в целях крупной международной антисталинистской акции сохранялась и делала ПОУМ особенно опасным фактором для Сталина.

Стратегический тупик

Отбив штурм Мадрида, республиканцы не могли перейти в контрнаступление. Равновесие сил привело к позиционной войне на Центральном фронте, подобной Первой мировой войне. Сначала франкисты надеялись нанести здесь решающее поражение Республике, затем республиканские генералы, вопреки более перспективным предложениям, стали тешить себя надеждой сокрушить Франко именно здесь, под Мадридом.

13 декабря франкисты попытались обойти Мадрид, прорвавшись между столицей и горами Гвадаррамы. Для начала нужно было перерезать дорогу на Ла-Корунью. В наступление пошли четыре бригады численностью 18000 бойцов. 14 декабря франкисты взяли городок Боадилья, который тут же был отбит с помощью танков Павлова. Новая волна франкистского наступления накрыла Боадилью, где были окружены два батальона интербригадистов. Они с трудом проложили себе дорогу назад, оставив горы своих и

вражеских трупов. На рождество в сражении наступила пауза. Перегруппировавшись и получив подкрепления, франкисты начали новое наступление на шоссе.

Им противостояла реорганизованная по новому образцу армия республиканцев. Мадрид и окрестности оборонял армейский корпус Миахи, включавший пять дивизий по две бригады в каждой. Шоссе на Ла-Корунью обороняла дивизия Модесто, в состав которой входили четыре смешанные бригады, в том числе преимущественно анархистская бригада Меры. 3 января 1937 г. франкисты подошли к шоссе у местечка Лас-Росас, где закипели ожесточенные бои. Атаки и контратаки сменяли друг друга, стороны зарылись в землю, как во время Первой мировой войны. Республиканцы цеплялись за многочисленные в этом районе дачные домики и виллы. 5 января на фронт республиканцев обрушился шквал огня, немецкие бомбардировщики и итальянские танки. Фронт был прорван. Над Мадридским фронтом нависла тень катастрофы. К шоссе срочно перебрасывались резервы республики и части с других фронтов. В Лас-Росас продолжали держаться окруженные интербригадисты, преимущественно немцы, но у Посуэло франкисты все же перерезали шоссе. Мера не давал противнику продвинуться от Лас-Росас дальше к Гвадарраме. 11 января в тумане в бой вступили 12-я и 14-я интербригады, переброшенные с других участков фронта. Они вышли к Лас-Росас, где еще держались последние бойцы батальона Тельмана. В прорыв пошли 47 советских танков. Республиканцы окружили пункты Кольменар Вьехо и Галапагар[829]. Но там упорно оборонялись франкисты, имевшие к тому же противотанковые средства.

Появление советских танков произвело больше впечатления на республиканцев, чем на франкистов: «При малейшей попытке противника проявить активность пехота всюду требует поддержки танков. Любое свое отступление пехота мотивирует отсутствием танков. Часто пехотные начальники выдумывают несуществующие атаки противника, только бы получить танки»[830]. Чего же хотят от анархистов Арагона, у которых советских танков вовсе не было?

Советские танки действительно наносили противнику существенный урон в сотни бойцов, но этого было недостаточно для прорыва фронта. Однако контрудар остановил натиск противника. В итоге франкисты оставили за собой небольшой участок шоссе, но не более. К 15 января противники зарылись в землю, и сражение иссякло.

* * *

Позиционная война требовала большого напряжения сил без видимого эффекта. Бытовые условия в окопах под Мадридом были куда хуже, чем на Арагонском фронте, где о бойцах заботились профсоюзы и коллективы в тылу. Солдаты Центрального фронта получали немного риса, картофеля, мало мяса, выменивали бобы в деревнях[831].

«Командиры более опытные и сноровистые проявляют изобретательность и инициативу. На первом месте тут, конечно, хитрый генерал Лукач. Он уже отлично разобрался в незнакомой обстановке, подобрал энергичных снабженцев, развил громадную деятельность...

— А как же! Сплошной блат, дорогой Михаил Ефимович, я прямо измучился. Без блата ничего не достанешь. Артиллерия стреляет по блату, ей-богу!»[832], — рассказывал М. Кольцов. Только подружившись с командиром артиллерийского артдивизиона, Лукач обеспечил достаточную интенсивность огня.

Теплой одежды не хватало. Пришли болезни. Под Мадридом потери от болезней были сопоставимы с боевыми — в типичном батальоне из 510 бойцов осталось в строю 201, при этом за 13.11-15.12.1936 г. боевые потери составили 196 человек, а по болезни — 96[833].

Бойцы требовали отпуска, чтобы помыться и почиститься от насекомых[834]. Вся эта обстановка деморализующе действовала на бойцов Центрального фронта. Иногда происходили волнения, солдаты требовали их сменить. Зачинщиков арестовали[835].

Сама столица при этом снабжалась нормально[836]. Как рассказывает И. Эренбург, «даже в Мадриде молодежь танцевала, суды разбирали дела о разводах, профсоюз официантов обсуждал новые ставки, и мальчишки выпрашивали у интербригадовцев заграничные почтовые марки»[837].

К началу 1937 г. в районе Мадрида сконцентрировались основные силы противников — по 30 тысяч с обеих сторон. Общая численность республиканских войск на фронте в начале года оценивалась в 100-110 тысяч, а франкистов на фронте — в 65 тысяч[838] (однако с учетом фалангистской милиции и рэкете, в том числе в тылу, численность вероятно доходила до 150 тысяч)[839].

В 1937 г. обе стороны развернули мобилизацию, которая на территории Франко шла быстрее, так как там не было дефицита стрелкового оружия. Но главным фактором, который в начале 1937 г. нарушил равновесие сил, стало прибытие итальянского экспедиционного корпуса.

Война, начавшаяся как маневренная, превратилась в позиционную. Теперь под Мадридом, а с весны 1937 г. по весну 1938 г. — и на других фронтах, операции проводились, как в Первую мировую — лобовым ударом на перегруженных войсками участках фронта. Большим успехом было продвижение на несколько километров. Война в Испании стала — как и Первая мировая — войной на изнурение. Этим она дезориентировала военных специалистов Европы, не ожидавших возможностей блицкрига.

* * *

События в Мадриде подтвердили необходимость сочетания кадровых и милиционных форм военного строительства. Концепция Ларго Кабальеро и его сторонников, с которой согласились и анархо-синдикалисты, называлась «Народная армия». Все колонны милиции были 29 января 1937 г. объявлены батальонами и бригадами «Народной армии». Они должны были подчиняться общему командованию, но по своей внутренней структуре часть из них, особенно в зоне влияния анархистов, сохраняла начала «военной демократии» (выборность командиров, обсуждение с бойцами плана боя, политические дискуссии и др.).

В. В. Дамье считает принятие декрета 29 января 1937 г. «контрреволюционной мерой», которая означала «ликвидацию народных ополчений и замену их регулярной армией», которая «оказалась, как показал дальнейший ход войны, гораздо менее боеспособной...»[840]. Такие резкие оценки основаны на явном недоразумении. Во-первых, единственный очевидный успех республиканской армии — битва при Гвадалахаре — относится к периоду после принятия декрета 29 января. Получается, что ликвидация ополчений помогла одержать победу (что соответствует и статистическим оценкам). Во-вторых, январский декрет подтверждал решения, уже принятые в октябре. Но в том-то и дело, что в этот период «ликвидации народных ополчений» и «замены» не произошло, поскольку у правительства при всем желании не было возможности изменить структуру милиции там, где бойцы за нее держались (а только в этом случае она давала эффект). Поскольку ни октябрьские, ни январские решения не привели к полному вытеснению милиционных начал, можно говорить о процессе реорганизации, а не о каком-то переломе. Этот процесс шел практически всю войну в одном направлении — больше регулярности. До середины 1937 г. он вел в сторону баланса между милиционными и административными началами. Только после падения Ларго Кабальеро казарменность стала преобладать над милиционностью все сильнее — вплоть до полного вытеснения.

Военное строительство первой половины 1937 г. де-факто основывалось на сочетании милиционных и регулярных принципов. Это сочетание и давало положительный эффект. А вот чисто регулярная армия в 1938 г. действительно показала себя менее боеспособной (впрочем, на то были и другие причины, о которых ниже). Но это произошло вовсе не в результате январского декрета 1937 г., а после падения правительства Ларго Кабальеро и антимилиционной реорганизации армии, предпринятой Прието во второй половине 1937 г. Военное строительство — еще одно подтверждение того, что перелом в развитии революции наступил не в период широкой коалиции с участием НКТ, а после ее распада и падения правительства Ларго Кабальеро.

Создатели новой «Народной армии» прежде всего думали о том, что делать с милиционной «вольницей», а между тем не меньшие, если не большие проблемы исходили как раз от принципов регулярности, от авторитарных устремлений офицерского корпуса. Советские специалисты отмечали многочисленные недостатки республиканских командиров: местничество, неумение действовать согласованно, отсутствие инициативы, неумение маневрировать. «Командиры дивизий, армейских корпусов и армий нуждаются в переподготовке: одни в силу устарелости их методов, другие по молодости и недостатку опыта в управлении крупными соединениями»[841]. Эти недостатки мало зависели от милиционной организации. С вытеснением «военной демократии» во второй половине 1937 г. многие из них только обостряются. Почти все эти недостатки можно было встретить и у франкистов. Но все же была и существенная разница, способствовавшая развитию офицерского своеволия у республиканцев: советские специалисты отмечают, что у франкистов за неисполнение приказа наказывают, а у республиканцев, как правило, — нет[842]. До второй половины 1937 г. своеволие командиров сдерживал хотя бы политический контроль и давление снизу.

Старые офицеры ревновали к выдвиженцам из милиции, да и эти выдвиженцы вскоре «бронзовели». Кастовость офицерства вызывала напряженность в отношениях с лучшими

бойцами. На Центральном фронте, как жаловались комиссары, «имеется много милиционеров, бывших солдат старой армии, которые воюют с самого начала войны, и они не получают никакого продвижения. Среди этих бойцов можно наблюдать ослабление энтузиазма; это факт, который не следует отрицать»[843].

Новые бригады, формировавшиеся из вновь мобилизованных солдат уже на чисто регулярных началах, не отличались от старых бригад в лучшую сторону. По советским оценкам, их боеспособность была «на уровне „среднячков“ — бригад, в большом количестве созданных после реорганизации в Мадриде из разных батальонов и колонн, и надежной силы не представляют»[844]. Комиссар Центрального фронта, коммунист Антон признавал: «На новые пополнения мы не можем полагаться в такой степени, в какой это делаем в отношении частей милиции». Поэтому нужно смешивать пополнения с революционными солдатами, прошедшими школу милиции[845]. В этом сочетании тоже заключались принципы «Народной армии». Но в феврале она еще только начинала формироваться. Прежде чем она одержит первую победу, республике предстояло испытать горечь поражения.

Малага и политический гамбит

Новые трения между союзниками по антифашистскому фронту возникли в связи с падением Малаги, в обороне которой участвовали и анархисты, и коммунисты. Малага представляла собой важный порт на Средиземном море. В августе мятежники во главе с Кейпо де Льяно и Варелой взяли его в полукольцо, но сил для захвата Малаги у них не было. Здесь у республиканцев было 5–8 тысяч бойцов. Однако позиции франкистов, нависающие над городом с запада и севера, были очень опасны. С другой стороны, оказавшись у республиканцев мобильные силы, они могли нанести из Малаги удар в тыл франкистам. Я. Берзин считал что, поскольку у «белых» существенных сил нет, отсюда можно захватить Гранаду[846].

Я. Берзин сообщает информацию для понимания последующих событий: «Почти все органы власти, в том числе и военные, и основное влияние среди рабочих, крестьян и мелкой буржуазии города находится у компартии...»[847] Влияние других сил незначительно, только в Малаге заметны анархисты. Это соотношение будет трактоваться коммунистами «с точностью до наоборот», когда придется искать виноватых за поражение.

Кто первый начал бы наступление под Малагой, тот получал стратегические преимущества. Но сил для наступления не было и у республиканцев. Когда комиссар Малаги депутат-коммунист К. Боливар попросил у Ларго Кабальеро подкреплений, премьеру пришлось пристыдить коммуниста — ведь в этот момент разгорелось сражение на подступах к Мадриду, и приходилось срочно перебрасывать подкрепления к столице.

Равновесие нарушила внешняя сила. В Испании высадились дивизии итальянского экспедиционного корпуса. Итальянский генерал Арнальди, вступая в должность командира 1-й «добровольческой» бригады заявил своим солдатам в приказе от 1 января: «Мы, добровольцы первой бригады, стоим за честь нашей императорской и фашисткой Италии,

и победим под священным именем Рима и под вещим знаком фашизма.

Подготовимся со страстью, с сознанием ожидающих нас испытаний и победим. Бог хочет этого, и он руководит бригадой»[848].

10 тысяч итальянцев двинулись на Малагу. 17 января они перешли в наступление. Без большого труда итальянцы прорвали растянутую оборону Малаги, отрезали ее от республиканской территории и 8 февраля взяли город.

При этом выяснилось, что подступы к городу не были укреплены, отступление было паническим — в том числе и из-за приказов командования. «Местность в районе Малаги чрезвычайно пересеченная, и не было никакой выгоды оставить противнику без боя сильные промежуточные позиции. На некоторых участках танки и автомашины противника могли продвигаться только по дороге, и простая канава, хорошо прикрытая огнем, или взрыв моста — могли бы надолго задержать моторизованную пехоту противника»[849], — комментировал Я. Берзин.

По сообщению Антонова-Овсеенко, падение Малаги «произвело сильнейшее впечатление», так как после Мадрида сложилось мнение об истощении сил франкистов и «неспособности к сколько-нибудь серьезным наступательным операциям»[850].

Новое поражение немедленно было использовано в политической игре. По воспоминаниям члена ЦК КПИ Э. Кастро, «Малага была больше чем военным поражением — она была хорошей возможностью для партии начать свою наиболее тяжелую битву за гегемонию — борьбу за свержение Ларго Кабальеро»[851]. На заседании испанского правительства коммунисты потребовали тщательного расследования обстоятельств падения города[852]. Коммунисты и анархо-синдикалисты обвиняли в провале друг друга (комиссаром Малаги был коммунист Боливар). Разбираться в обстоятельствах падения Малаги было доверено комиссии под руководством министра-анархиста Х. Гарсия Оливера и министра-коммуниста В. Уррибе. «Козлом отпущения» назначили заместителя министра (субсекретаря министерства) обороны и секретаря Высшего военного совета Х. Асенсио, за которым не стояло влиятельной партии, но который занимал ключевой военный пост. Его падение могло укрепить позиции коммунистов в армии, что соответствовало стратегическим задачам партии. Досталось и непартийным командным кадрам как таковым, которых КПИ считала «подозрительными»: «Нужно провести тщательный пересмотр всех командных постов и удалить не только сомнительных, подозрительных и ненадежных людей, но и всех тех, кто вследствие инертности и неспособности может служить врагу»[853], — говорилось в заявлении КПИ.

* * *

14 февраля многотысячной манифестацией в Валенсии коммунисты начали кампанию за чистку армии. Премьер-министр сначала не понял замысла коммунистов и воспринял демонстрацию 14 февраля «как демонстрацию полного и безоговорочного доверия к нему, лично к Кабальеро»[854].

Коммунистическая агитационная машина открыла огонь из всех орудий. 15 февраля «Мундо обреро» выдвинула лозунг «Чистка, чистка, чистка!». «Френте рохо» персонифицировала это требование, выступив против «организатора поражений» (имелся в виду Асенсио). Травлю подхватила «Мундо обреро» в опубликованной 16 февраля большой статье «Организатор поражений»: «Его сделали командующим центрального фронта, и тогда начались поражения»[855]. Это обвинение было несправедливым — и до Асенсио у республиканцев не было существенных побед на фронте. Но, атакуя Асенсио, коммунисты убивали двух зайцев — нашли «крайнего» за неудачу в Малаге и получали шанс продвинуть своего человека на пост фактического руководителя армии.

Анархо-синдикалисты, которые вели борьбу с генералитетом за сохранение милиции, поддержали атаку на Асенсио, которого «Кастилия либре» назвала «Большим организатором поражений»[856].

А. Виньяс справедливо, на наш взгляд, называет среди причин атаки на Асенсио и советский фактор: «Его обвиняли в многочисленных ошибках и провалах, представители Союза питали безосновательные подозрения на предмет его лояльности»[857].

Советская разведка вела сбор компромата на Асенсио. Ничего особенно убедительного «нарыть» не удалось. Помимо его кадровой политики — разгульная жизнь в бытность военным атташе в Португалии в 1934 г. и — «жемчужина коллекции» — письмо Франко к Асенсио 5 ноября 1934 г. Его текст был передан неким масоном Э. Барберо испанскому консулу в Бордо якобы от анонимных «португальских антифашистов», что само по себе ставило под сомнение подлинность «письма»[858]. Советская сторона подозревала Асенсио в работе на Франко, но доказательств не имела. Поэтому в ход пошла агитационная машина.

В ответ на эту кампанию Ларго Кабальеро 16 февраля направил письмо в ЦК КПИ: «Так нельзя защищать общее дело, правительство и единое командование, о которых многие кричат, чтобы потом саботировать их»[859]. Однако против Асенсио выступили и влиятельные социалисты, в том числе считавшийся левым генкомиссар Альварес дель Вайо.

Коммунисты прозрачно намекали на то, что Асенсио — предатель, и 19 февраля Ларго Кабальеро потребовал от коммунистов доказательств этого[860]. Доказательства не были представлены, но в условиях травли 20 февраля Асенсио подал в отставку[861]. Вслед за ним рапорт об отставке написал и Кабрера, но Ларго пока оставил его на посту, и, как пишет Я. Берзин, «он на второй день опять заходил петушком»[862]. 19 февраля Ларго даже поставил перед Асаньей вопрос об отставке правительства, но это был скорее демарш, чем серьезное намерение.

Все ждали: кто же придет на место Асенсио? А. Виньяс рассказывает: «В качестве преемника Асенсио Ларго выбрал очень преданного журналиста без малейшего военного образования... — Карлоса Барайбара. В это время тот находился в Касабланке и, естественно, ничего не знал... Выбор был ошибочным, так как, за исключением личной преданности, Барайбар не мог привнести ничего в ситуацию, в которой прежде всего требовалось знание военных вопросов»[863].

Барайбар, конечно, вернулся из Касабланки, но его роль оставалась чисто политической, что показывает — выбор Ларго был не так глуп, как кажется его критикам. Он считал, что лучшим военным специалистом для координации работы военного министерства является Асенсио, назначенный теперь помощником военного министра. Следовательно, заменить его нужно было не другим генералом, который привнесет в военную политику новые политические влияния и новые, не обязательно удачные, идеи. Чтобы продолжать прежний курс, нужно было «заместить» Асенсио человеком, который не сможет и даже не будет претендовать на то, чтобы его заменить. Опытный политик, Ларго на этом этапе обыграл оппозицию, оставив Асенсио реальным руководителем военного министерства, выставив в качестве чисто фасадной фигуры Барайбара.

Поскольку Высший военный свет собирался редко и работал под председательством Ларго Кабальеро[864], было не столь важно, кто формально являлся его секретарем. Реальное руководство военным ведомством и Генеральным штабом оставалось в руках премьера, а текущую работу продолжал вести Асенсио и другие лояльные Ларго Кабальеро офицеры. Грандиозная кампания, инициированная коммунистами, закончилась гамбитом. Пожертвовав малым, Ларго Кабальеро сохранил свои позиции. Как справедливо пишет А. Виньяс, «вопрос заключался не в поддержке генерала Асенсио, а, не более и не менее, в контроле над военной политикой»[865]. Ларго выиграл партию, сохранив контроль за собой.

Берзин с неудовольствием констатирует, что сняв Асенсио, а потом и Кабреру, «Кабальеро все оставил по-старому»[866]. Асенсио оставался ключевой фигурой в военном ведомстве, влиял на решение кадровых вопросов. Так, на место начальника Генерального штаба советские советники, коммунисты и Прието прочили начальника штаба Центрального фронта Висенте Рохо, но Асенсио и его сторонники заблокировали это назначение[867]. Впоследствии мы увидим, что в сомнениях по поводу Рохо были свои резоны.

Фактически работу начальника Генштаба вел Альварес Коке, по мнению советских специалистов — «военное дело понимающий», но «бесхребетный»[868], — то есть как раз управляемый Ларго Кабальеро и Асенсио. «Фактическим руководителем штаба и субсекретариата военмина, очевидно, является находящийся за кулисами Асенсио, который нигде не показывается, но рука которого везде чувствуется»[869].

С учетом этого неубедительно выглядят и выдвинутые историком А. Виньясом обвинения центрального республиканского командования в непрофессионализме, например: «Необходимо подчеркнуть этот недостаток профессионализма в самом центре военных усилий Республики и сравнить его со строго войсковым, пусть и лишенным особого воображения, подходом Франко к военным вопросам»[870]. Асенсио был профессионалом (что, кстати, определяло не только его достоинства, но и недостатки)[871], Ларго сохранил позиции этого и других профессионалов, не поступившись при этом основами своей военной политики. Мы имеем возможность выполнить пожелание А. Виньяса и сравнить эффективность этого курса Ларго и военной политики Франко и его союзников. Такую возможность нам предоставила битва при Гвадалахаре. Ее результаты доказывают — военная политика Ларго в этот период оказалась успешнее. Увы, правительство Негрина, которым восторгается А. Виньяс, не смогло предоставить на поле боя такого же «результата сравнения». «По плодам узнаете...»

В связи с отставкой Асенцио коммунисты стали развивать успех и требовали во «Френте Рохо» «самой глубокой чистки командных должностей»[872]. Анархисты все еще поддерживали их, перенося огонь и на Ларго Кабальеро. Когда он 24 февраля назвал Асенцио «ценным сотрудником»[873], орган Валенсийской ФАИ писал 25 февраля: «Народ, который стоит выше всякого правительства, обвиняет генерала Асенцио в том, что он — организатор поражений, и если Ларго Кабальеро не отказывается от того, что он — сын народа, он должен:

1. Покинуть пост военного министра.

2. Не мешать работе по очистке командного состава армии»[874]. Радикальные анархисты разошлись настолько, что высказали мысль, уже обсуждавшуюся в кулуарах более умеренных противников Ларго Кабальеро: он «должен принять во внимание, что он больше, чем стар, что он впал в старчество, а старческие люди не могут и не должны управлять»[875]. За этот грубый «наезд» на премьер-министра газета была конфискована и закрыта до 2 марта. «Носотрос» поддержала тему: «Кабальеро стар» и пусть уходит с генералами. Негодных генералов уберем и силой[876]. Таким образом радикалы-анархисты шли впереди коммунистической атаки на правительство Ларго Кабальеро. Но лидерам НКТ, по советским данным, это не нравилось. Они «резко отрицательно относятся к позиции этой анархистской газеты»[877]. На съезде ФАИ Васкес собирается требовать закрытия этой газеты «как вредной»[878].

27 февраля Ларго Кабальеро выступил с заявлением, где попытался опереться на авторитет манифестации, с которой и началась кампания коммунистов: 14 февраля «весь народ показал свое желание работать вместе с правительством не только в делах, касающихся военных действий против изменников Родине, но также в деле, без которого нельзя реализовать никоим образом победу: упорядочение гражданской жизни и введение гражданской дисциплины»[879]. Премьер с горечью утверждал, что от всех организаций, кроме ВСТ, получил пока только «словесную помощь». Более того, отвечая на клеветнические обвинения в адрес своих сотрудников, премьер заявил, что в партиях Народного фронта действуют «фашисты с партийными книжками». Он требовал: «Подчинение, повторяю, подчинение, дисциплина и лояльность»[880].

Для партийных лидеров ИСРП это была неприятная речь — ведь упрек лидера относился и к ним. Для Ларго Кабальеро профсоюз ВСТ (в отличие от партии) был «его» организацией.

Советские дипломаты отметили, что после Малаги «произошло значительное улучшение отношений между СНТ и коммунистической партией» по вопросу о чистке высшего комсостава. Министры-анархисты выступали вместе с компартией. В связи с этим обострились отношения кабальеристов ВСТ и НКТ[881].

Однако как раз в этот момент произошла перемена в тоне анархо-синдикалистской прессы. «Фрагуа социаль» приветствовала заявление премьера, увидев в нем критику сторонников

сговора с фашистами. Советские дипломаты отметили: «После опубликования манифеста Ларго Кабальеро резко меняется тон анархистской печати в Валенсии»[882]. Конечно, дело было не только в нюансах речи премьер-министра, но и в консультациях по линии ВСТ-НКТ в Валенсии.

«Солидаридад обрера» по инерции выразила недовольство выпячиванием ВСТ, а «Носотрос» 4 марта высказалась против претензий Ларго Кабальеро на господство, что может привести к тирании[883]. Однако социалисты предпочли заметить изменение тональности «Фрагуа социаль»[884].

После февральского кризиса начинается сближение между левым крылом ИСРП и НКТ, то есть между кабальеристами и анархо-синдикалистами. Столкнувшись с реальностью революции, у которой оказалось анархо-синдикалистское самоуправленческое лицо, Ларго Кабальеро постепенно стал признавать полезность происходящих перемен и для социализма, и для победы. Сделав ставку не на партии, а на профсоюзные организации, он стал искать модель системы, основанной на организованном труде.

В феврале Ларго Кабальеро нашел принципиальный ответ образовавшемуся против него блоку коммунистов и правых — преобразование власти на основе организаций трудящихся. Он выдвинул идею правительства профсоюзов, а не партий[885]. В начале марта Я. Берзин докладывал, что недавно была «попытка создать синдикалистское правительство, против чего резко высказался Асанья и пригрозил поставить вопрос перед кортесами (парламентом)»[886].

Д. Ибаррури заявила: «Ни один марксист не может защищать идею профсоюзного правительства, так как это означало бы отрицание всех принципов социализма, правильность которых была доказана борьбой рабочих всех стран, и прежде всего победой социализма в Советском Союзе»[887]. Несомненно, переход власти к профсоюзным структурам (в том числе и ВСТ, где позиции коммунистов были сильны, но влияние левых социалистов все же преобладало) означал бы шаг назад на пути к социализму советского образца.

Идея правительства, ответственного перед профсоюзами, как минимум до апреля 1937 г. не пользовалась поддержкой и в НКТ. «СНТ» 30 марта выступила против лозунга профсоюзного правительства: «Всякий, маневрирующий призраком профсоюзного правительства, о котором не думали сами профсоюзы, является контрреволюционером и предателем антифашистских интересов»[888]. Но «профсоюзы подумали», и критика этой идеи со стороны НКТ стихла.

В апреле завершилась перегруппировка политических сил, в результате которой левое крыло ИСРП, ВСТ и НКТ стали союзниками на основе курса поддержки синдикалистской революции. Но уже в марте развернулось наступление на правительство со стороны блока коммунистов, правого крыла ИСРП и либералов.

Харама и Гвадалахара: республика получает шанс
Неспособность республиканцев парировать удар на Малагу объяснялась еще и тем, что они готовили операцию под

Мадридом. Казалось, что противник здесь выдохся, и можно будет нанести ему поражение, решив тем судьбу войны. Это мнение о необходимости действовать под Мадридом в феврале 1937 г. разделяли и Асенсио, и Кабрера, и командование франкистов.

Пока республиканское командование стягивало силы южнее Мадрида, в район реки Харамы, франкисты именно здесь нанесли удар.

Разбирая ход сражения, советник Р. Малиновский «в духе времени» пишет о предательстве в республиканском генштабе, из-за которого франкисты якобы знали о планах наступления[889]. Это сомнительно, франкисты явно недооценивали силы, которыми здесь располагали республиканцы. В своих более поздних воспоминаниях Малиновский обвиняет испанское командование в том, что оно не уничтожило мосты через Хараму: «Нетрудно было предугадать, что мятежники сразу же завяжут бои за переправы. Они были гораздо более необходимы им, нежели республиканцам». Однако на этот раз он не пишет о предательстве, ссылаясь на «тактическое недомыслие испанских офицеров» или... «инерцию задуманного ранее наступательного плана»[890]. Но если накануне планировалось наступление республиканцев, то они очевидно должны были беречь мосты. Малиновский в данном случае «умен задним умом» (чем нередко грешат советские военные специалисты, подчеркивая свое превосходство над испанскими офицерами).

6 февраля франкисты перешли в наступление силами 20–25 тыс. человек[891]. Части, контролируемые коммунистами, заняли высокий берег Харамы, но не смогли удержаться — здесь франкисты форсировали реку. Ночью 11 февраля марокканцы «сняли» посты интербатальона имени Андре Марти на мосту и открыли проходы для кавалерии. Республиканцы взорвали мост, но, словно в мультфильме, он подскочил на месте и, с дырой, упал на прежние опоры. Кавалерия франкистов устремилась в атаку. Батальон имени Андре Марти был разбит. Брешь закрыли другие интербригадисты — поляки и итальянцы. На кону было стратегически важное шоссе на Валенсию.

Проблема республиканцев заключалась теперь уже не столько в подготовке бойцов, сколько в качестве командования: «Штаб и управление харамской группой войск созданы не были, их создали в процессе сражения. Мало того, в процессе самых тяжелых боев делилась власть над войсками между генералом Посас и генералом Миаха и их штабами, в результате чего управление харамским сражением перешло от штаба Посаса в штаб Миаха. Это случилось, главным образом, потому, что ни при каких других условиях Миаха не дал бы своих мадридских частей для усиления войск харамского участка, а других резервов уже не было, все уже было введено в тяжелые бои. А сражение продолжалось и требовало все новых и новых подкреплений»[892], — рассказывает Р. Малиновский. Республиканцы ввели в бой около 40 тыс. человек[893].

16 февраля наступление франкистов за Харамой уперлось в гору Пингарон, где развернулись тяжелые встречные бои. В интервью «Носотрос» 13 июля 1937 г. М. Кольцов рассказывал об участии в них анархистской бригады: «Я видел в боях на Хараме и под Пингароном героическое поведение 70-й бригады из непобедимой дивизии Мэра. Я восхищался этим героическим поведением и желаю... чтобы все секторы испанского рабочего класса объединились для того, чтобы обеспечить победу пролетариата над

фашизмом всех классов и оттенков»[894].

На Хараме республиканцы показали, что бойцы научились обороняться. «Моменты паники вспыхивали неоднократно, но в целом упорство, проявленное частями под тяжелым огнем всех видов, не сравнимо с первым периодом войны»[895], — докладывал советский наблюдатель.

В ходе этих боев «особую жестокость проявили марокканцы, вырезавшие всех наших раненых и пленных у высоты Пингарон, которая переходила неоднократно из рук в руки»[896]. Но жертвы марокканцев были отмщены. По словам Р. Малиновского, «харамское сражение произвело опустошение в рядах этих войск, и они потеряли свое решающее значение на исход сражений и войны»[897].

В качестве замены Франко надеялся использовать итальянский корпус, так хорошо показавший себя под Малагой. Но под Харамой он не ударил (хотя это могло принести победу Франко). Итальянцы готовили собственную операцию, которая должна была принести Муссолини славу победителя «красных».

17 февраля Миаха нанес контрудар, и фронт стабилизировался. Отвоевать захваченную франкистами территорию не удалось. Поскольку на этом участке фронта особенно активно проявили себя коммунисты, КПИ предприняла агитационную кампанию, объявлявшую Хараму победой.

Между тем вскоре выяснилось, что республиканская армия способна нанести своим испано-итальянским противникам настоящее поражение.

* * *

После блестящего дебюта в Малаге корпус чернорубашечников был переброшен под Мадрид, но не для банального удара в лоб. Фронт изгибался так, что можно было ударить в тыл всему мадридскому фронту республиканцев через Гвадалахару.

Против Гвадалахары были сосредоточены лучшие части Франко — 15000 испанцев и марокканцев, на этот раз во главе с героем Алькасара Хосе Москардо, четыре дивизии итальянского корпуса общей численностью 35000 чернорубашечников при 250 танках под общим командованием Марио Роатты. 8 марта они двинулись вперед.

Первоначально фашистскому наступлению противостояла 12-я дивизия республиканцев — 10000 бойцов, из которых было вооружено немногим более половины. Ее фронт был быстро прорван, итальянские танки преследовали отходящих республиканцев. Но уже 9-12 марта на место действия были переброшены все свободные части Центрального фронта, в том числе и те, что еще не отдохнули после Харамы. Из них к 12 марта был сформирован 4 армейский корпус. Под Гвадалахарой им командовал Энрике Хурадо. В него вошли 12-я дивизия Н. Нанетти, 11-я дивизия Э. Листера, в которой действовали 11-я и 12-я интербригады, и 14-я дивизия под общим командованием С. Меры. Хотя численность

республиканцев удвоилась, противник сохранял более чем двойное превосходство в живой силе. У республиканцев было только 60 советских танков, но их качество было выше, чем у итальянских.

Битва на земле сопровождалась боями в воздухе (республиканская авиация только 12 марта сделала 142 самолетовылета[898]) и даже катаклизмами в атмосфере. Бойцы шли в атаку то под ледяным ливнем, то по морозу, непривычному для южан — испанцев и итальянцев, которые сражались по обе стороны фронта. Под Бриуэгой, у замка Ибарра, столкнулись чернорубашечники и интербригадисты-итальянцы. Эта «гражданская война» итальянцев в Испании лишней раз показала, что здесь идет лишь одна из битв мировой, а не чисто испанской борьбы.

11 марта фашисты с помощью огнеметных танкеток прорвали фронт Листера на участке 11-й интербригады под Трихуэке и ринулись вперед. Их удалось остановить на подступах к Торихе только с помощью советских танков и авиации. Зато 12-й интербригаде Лукача сопутствовал успех, она удачно провела контратаку и взяла пленных[899]. Однако фашисты продолжали наступать на 12-ю бригаду, стараясь зажать ее в клещи. 12 марта ожесточенные бои продолжались, итальянцев успешно атаковали советские танки.

На участке Меры итальянцы были остановлены за Бриуэгой, после чего и здесь республиканцы стали наносить контрудары.

13 марта, собравшись с силами, части Листера отбили Трихуэке. Роатта был вынужден перейти к обороне, как казалось, временно. 13 марта Муссолини направил телеграмму сражающимся частям: «Обратить в бегство интернациональные силы будет также и политическим успехом большого значения»[900].

14 марта в район Гвададалахары прибыл командующий Центральным фронтом Миаха.

В этот день бойцы 12-й интербригады при поддержке советских танков взяли важную позицию — замок Ибарра.

Контратаки республиканцев показали, что клин фашистов может быть зажат республиканцами с двух сторон. 11-я и 12-я дивизии вместе с 11-й интербригадой наступали на него с запада, а 14-я дивизия Меры и 12-я интербригада — с востока. Несмотря на то, что у фашистов сохранялось двойное превосходство в силах, республиканское командование решилось на контрнаступление. Ради этого анархисту Мере были даже выделены 16 танков. Ему вместе с 12-й интербригадой и 1-й штурмовой бригадой предстояло взять Бриуэгу с востока, в то время как навстречу с запада должны были ударить Листер и 11-я интербригада.

18 марта контрнаступление началось. Ливень, грязь не остановили продвижение республиканцев. Они ворвались в Бриуэгу с востока и севера. Республиканские танки перерезали шоссе, и чтобы вырваться из окружения, итальянцам пришлось бросать технику и автотранспорт. В плен было взято 300 итальянцев. Роатта принял решение об отходе. Преследуя фашистов, республиканцы обратили их в бегство[901].

20 марта итальянцы закрепились под Леданкой и Аламинос, вскоре после чего сражение прекратилось[902]. Коммунистические части были переброшены на другие участки фронта, а костяком 4 корпуса стала 14-я дивизия Меры. В корпус вошла и поредевшая 12-я дивизия. В дальнейшем по мере пополнения корпус доформировывался.

Сражение под Гвадалахарой имело огромное значение для всего хода войны. В республиканской зоне произошел взрыв энтузиазма. Казалось, наступил перелом. Фашисты потеряли инициативу. Теперь республиканцы могли сами выбрать место для своего удара.

* * *

Итальянцы зализывали раны, Франко сосредоточил силы против Северного фронта. Чаша весов войны колебалась.

В начале апреля Я. Берзин подготовил доклад для Ларго Кабальеро о состоянии республиканской армии. Он считал, что боеспособность противника подорвана — в том числе потерями наиболее боеспособных марокканских частей при Хараме. Республиканцы неплохо показали себя и на южном фронте, отстояв Пособланко в боях с войсками Кейпо де Льяно 17 марта — 11 апреля, но не могли развить успех без снарядов. Бои на южном фронте показали, что на юге и западе противник относительно слаб, и в случае переброски дополнительных сил из под Мадрида может не устоять.

Весь апрель республиканцы тревожили Франко боями местного значения, не давая понять, какой следующий ход предпримет Республика.

Республиканские «войска стали упорнее в обороне и начинают овладевать искусством наступательного боя»[903]. Республиканская армия насчитывала около 250 тыс. солдат[904] при 156 танках, 33 броневедомолах и 151 самолете (из них 20 устаревших). Армия удовлетворительно оснащена. Ее слабое место — недостаток снарядов — кроме Каталонии и севера, где положение вполне удовлетворительное (как не вспомнить, что Каталония и север сами обеспечили себя боеприпасами). Республиканцы имели примерно двойное превосходство в численности над противником. Полная готовность армии к наступлению могла быть достигнута к 20 апреля.[905]

Но главный вопрос заключался в том, где и как применить эту силу? На перегруженном Центральном фронте? В Арагоне? Или там, где у франкистов нет существенных сил, например, в Эстремадуре? Именно здесь планировал нанести удар республиканский Генеральный штаб. В этом регионе республиканская территория выдавалась далеко на запад, что позволяло расцезь франкистскую зону надвое. Это дало бы моральные и стратегические преимущества. Операция в Эстремадуре могла быть подготовлена раньше, но «как кажется, Миаха попытался саботировать наступление, частично потому что предпочитал сосредоточить операции в секторе Брунете, но, может быть, и потому, что уже давно не испытывал симпатии к Ларго Кабальеро»[906]. Таким образом, кампания против премьера уже ощутимо мешала ведению войны. И дело было не только в Миахе, а в целой группе прокоммунистических военных, которые надеялись нанести решающий удар именно

под Мадридом. Это был вопрос и их личного престижа (группа Миахи), и приверженности именно позиционной войне вместо более рискованной маневренной[907].

План наступления, разработанный советскими специалистами и в начале апреля предложенный Я. Берзиным премьер-министру, тоже предусматривал удар в Эстремадуре. Но идея плана Берзина была более сложной. Он предлагал в середине апреля начать наступление Арагонского фронта и окружить Теруэль. Как видно из дальнейшего изложения, этот удар рассматривался как отвлекающий. Передавать технику Арагонскому фронту не планировалось, зато предполагалось позаимствовать у Каталонии артиллерию для Эстремадуры. 20 апреля Берзин предлагал начать большую операцию на Мериду из Эстремадуры, сосредоточив там 10 бригад, танки и артиллерию, в том числе из Каталонии. Одновременно предлагалось нанести удар на Оропес и Талаверу южнее Тахо силами 9 бригад. А затем, 22-23 апреля Центральный фронт должен был ударить в направлении Аранхуэс — Ильескас силами 15 бригад[908].

Таким образом, планировалось общее наступление против франкистов на широком фронте от Эстремадуры до Мадрида с дополнительными отвлекающими ударами. Пожалуй, при силах, имеющихся у Республики, этот план был «слишком смелым». Но даже при частичном осуществлении он сулил перелом в ходе войны, выход ее из губительной для Республики позиционной фазы. Весна давала Республике новые шансы, но они не были использованы из-за разразившегося в это время политического кризиса.

Цель — Ларго Кабальеро

По версии, высказанной в воспоминаниях министра-коммуниста Х. Эрнандеса, решение о необходимости отставки Ларго Кабальеро было принято накануне мартовского пленума ЦК КПИ, в конце февраля — начале марта на заседании нескольких членов Политбюро ЦК КПИ под сильным давлением эмиссаров Коминтерна, прежде всего И. Степанова (Стояна Минева). По версии Эрнандеса, Диас выступал против снятия Ларго Кабальеро. В условиях военных неудач борьба за власть, чреватая внутренними столкновениями, могла окончательно подорвать обороноспособность республики: «Мне не ясны мотивы, по которым мы должны принести в жертву Кабальеро... Мы можем спровоцировать вражду большей части социалистической партии... анархисты поддержат Кабальеро... Скажут, что мы претендуем на гегемонию в ведении войны и политики». Однако большинство членов Политбюро ждало «голоса Москвы, прежде чем высказать мнение».

Отвечая Диасу и поддержавшему его Эрнандесу, Степанов говорил: «Диас и Эрнандес защищают черное дело. Не Москва, а история обрекла Кабальеро. После возникновения правительства Кабальеро мы идем от катастрофы к катастрофе...

— Это неправда! — прервал Диас.

Невозмутимый Степанов упер свои зеленые глаза в черные глаза Диаса и продолжил:

— ... от катастрофы к катастрофе в военном отношении... Кто отвечает за Малагу?»[909]. Конечно, коммунисты не могли признать, что Ларго Кабальеро виноват в падении Малаги не больше, чем они сами.

Диас считал Ларго революционером и бросил реплику против Марти, назвав его бюрократом, а не революционером. Начался скандал, лидеры коммунистов повскакали с мест, Ибаррури бросилась их мирить. В конце концов Тольятти провел голосование, и большинство согласилось со Степановым — партия окончательно брала курс на снятие Ларго Кабальеро[910].

Исследователи критикуют версию Эрнандеса, подметив, что перечисленные им участники этой встречи (а к ним экс-министр отнес также советских представителей Орлова, Розенберга и Гайкиса) не могли бы в этот период оказаться в одном месте. Так, указав, что все перечисленные Эрнандесом люди не находились в Валенсии одновременно, А. Виньяс относит свидетельство Эрнандеса к разряду «манипуляций»[911].

Исследователи, отрицающие достоверность воспоминаний Эрнандеса и обвиняющие его в фальсификации, не учитывают особенности мемуарных источников. Известно, что воспоминания, сделанные много лет спустя после событий, лучше передают «дух события», мотивы действующих лиц, чем формальную сторону дела (даты, состав участников совещаний и т. п.). Нередко сливаются вместе несколько бесед, происходивших в действительности. При этом протокол таких заседаний (на который иногда ссылаются как на истину в последней инстанции) часто не передает важнейших деталей беседы, которые самим участникам кажутся наиболее важными. Поэтому на основе ошибок в составе участников нельзя сбрасывать со счетов такой важный источник, как воспоминания члена ЦК КПИ и министра правительства Народного фронта. Нет ничего невероятного в том, что, пусть не в одной, но в нескольких встречах в конце февраля — начале марта участвовали и Марти, и Степанов, и молчаливые советские представители.

При использовании воспоминаний важно не столько перечисление статистов (в котором Эрнандес действительно преувеличивает степень вовлеченности официальных советских представителей во внутрипартийную «кухню» КПИ), сколько выявление позиций активных участников ситуации. А в данном случае это Диас, Степанов, Марти[912] и в меньшей степени Тольятти и Ибаррури. Самое интересное в воспоминаниях — указание на эмиссара Коминтерна Степанова как на мотор кампании за свержение Ларго Кабальеро, против которой сначала возражал Диас. До того, как открылись архивы Коминтерна, мы знали об этом факте именно от Эрнандеса.

Указав на известные противоречия в рассказе Эрнандеса, А. Виньяс добавляет: «Но, помимо этого, Эрнандес совершенно смазал политический контекст момента»[913]. Сегодня архивные материалы позволяют уточнить картину, нарисованную Эрнандесом. «Контекст момента» заключается в том, что с февраля-марта среди советских советников и представителей Коминтерна образовалась влиятельная группа сторонников отставки Ларго Кабальеро с поста не только военного министра, но и премьер-министра. «Мотором» этой группы, как верно указал Эрнандес, был Степанов. Но он был совсем не одинок.

Мы видели, что против Ларго Кабальеро был настроен Димитров, за его смену выступал Берзин (выражавший мнение и других советников как их начальник) и Горев. Вскоре эту позицию будет отстаивать и посол Гайкис.

А. Виньяс категорически настаивает: «Наконец, установлено документально, что позиция Сталина и Коминтерна заключалась в поддержке Ларго Кабальеро во главе Правительства. В этом вопросе сталкивались приказы из Москвы, и то, что фильтровал из Испании „Степанов“»[914]. Нет, это не установлено. Во всяком случае, А. Виньяс не доказал, что Степанов обладал монополией на информационные связи между Валенсией и Москвой (ниже мы приведем документ о перепроверке мнения Степанова Димитровым, и эта перепроверка оказалась в пользу Степанова). Также ни А. Виньяс, ни другие сторонники версии о том, что свержение Ларго было проведено вопреки воле Сталина, не доказали, что вопрос о сохранении Ларго был для Сталина принципиальным в его политике в Испании. В противном случае Степанову нечего было бы «фильтровать». Для Сталина был принципиален не Ларго Кабальеро во главе правительства, а контроль за ситуацией. Сохранять Ларго в качестве председателя правительства вовсе не было делом принципа для Сталина. Куда важнее было убрать его с поста военного министра. Если бы Сталин был недоволен, как Степанов «фильтровал» его указания в Испании, Степанову бы потом не поздоровилось бы. Но его жизнь сложилась благополучно[915].

На пленуме 5–9 марта «Хозе Диас поставил открыто вопрос: если правительство не желает и не может очистить свой собственный дом и весь военный аппарат от агентов врага и от неспособных, если правительство не желает или чувствует себя бессильным быстро провести организацию и обучение резервов, организацию руководства военной промышленностью и т. д. — тогда компартия чувствует себя достаточно сильной, чтобы взять на себя ответственность и обязанность по реализации всего этого»[916], — сообщил И. Степанов. Это была заявка коммунистов на ключевые позиции в системе власти.

7 марта Эрнандес выступил с этой идеей на митинге, причем очень резко. Ларго Кабальеро расценил это как выступление против главы правительства[917]. Таким образом, по крайней мере в интерпретации Степанова, позиция Диаса была очень близка позиции Эрнандеса, а ее Ларго расценил как выступление против премьера. Он еще не знал, что это позиция не просто Эрнандеса, а КПИ, и 9 марта официально потребовал отставки Эрнандеса. В своем ответе ЦК КПИ сообщил премьер-министру, что Эрнандес выражает позицию партии, но тут же оговаривался — это позиция была выдвинута еще на митинге 14 февраля. А правительство не справляется так хорошо, как справилась бы компартия (что было, конечно, чисто пропагандистским заявлением)[918]. В итоге разговора с Диасом Ларго признал, что позиция ЦК КПИ «усиливает и углубляет все то, что сказал Эрнандес»[919], и поэтому отказался от требования его отставки — ведь министр выражает позицию партии, входившей в коалицию.

* * *

В руках компартии был мощный агитационный аппарат: «Если мы решали показать, что Кабальеро, Прието, Асанья или Дуррути ответственны за наши неудачи, полмиллиона

людей, десятки изданий, миллионы листовок, сотни ораторов начинали в один голос доказывать опасность, которая исходит от этих граждан...» — вспоминал Х. Эрнандес[920].

Но позиции Ларго Кабальеро и его сторонников были достаточно сильны. Оценивая их, А. Марти докладывал в секретариат ИККИ: «Кабальеро и Галарса опираются на следующие элементы: 1. На профсоюзные кадры всеобщего рабочего совета (УХТ), являющиеся не только руководителями профсоюзов, но и руководителями предприятий; 2) на генеральный штаб армии, состоящий из старых, неспособных и подозрительных генералов и из молодых честолюбивых, но опять-таки подозрительных (то есть антикоммунистически настроенных — А. Ш.) генералов вроде Асенцио; 3) через Галарса он опирается на массу функционеров, которых он привлек на полицейскую службу». Продолжал колебаться президент Асанья, который был враждебен как коммунистическим, так и анархо-синдикалистским идеям[921].

В марте левосоциалистическая пресса ответила информационным залпом против коммунистической партии[922]. 27 марта на Политбюро КПИ с тревогой говорилось о том, что Ларго Кабальеро и его сторонники стремятся вытеснить коммунистов с занимаемых ими постов в государственном аппарате и армии[923]. Уже в марте коммунистическая пресса сетовала, что чистка комсостава обернулась против коммунистов[924]. За что боролись, на то и напоролись.

В своей пропаганде левые социалисты стали ставить СССР на одну доску с державами, проводившими политику невмешательства. Газета «Аделанте» утверждала, что, выдвигая различные мирные инициативы в то время, пока Германия и Италия помогают Франко, мировые державы ждут, «чтобы Испания превратилась в гору трупов». «До каких пор мистер Иден, месье Блюм, товарищ Сталин... до каких же пор». Слово «товарищ» было написано русскими буквами, чем подчеркивалось, что оно использовано в официальном, переносном смысле[925]. Полемика имеет свою инерцию, и раздражение политикой коммунистов и их покровителей выливалось в несправедливые упреки, которые с неудовольствием фиксировались советскими дипломатами.

С началом сражения под Гвадалахарой коммунисты стали в ультимативной форме требовать принятия своих военных требований, изрядно нервирова премьерера. 11 марта на заседании Политбюро они впервые поставили вопрос о главе правительства[926], «посоветовавшись» с лидерами НКТ, ВСТ и соцпартии. Ларго объяснял, что в разгар сражения реорганизации неуместны, что «положение хорошее». Коммунисты атаковали «смехотворные предложения» Генштаба. Вся эта политическая суэта могла дезорганизовать управление войсками. Ларго в этой критической ситуации оказался мудрее своих противников, «без взрывов гнева» принял их предложения. Благо, частично эти предложения представляли собой самоочевидные вещи (переброска резервов к месту сражения), а частично не могли быть осуществлены немедленно и тем помешать командованию (чистка армии). Однако эмиссар Коминтерна Степанов был уверен, что «если правительственный кризис ныне избегнут, то это не надолго»[927].

С началом сражения при Гвадалахаре Степанов впал в панику: «опасность катастрофы вполне реальна», «мы находимся накануне, а уже в начале практической реализации повторения в большом масштабе (в секторе Центр — Мадрид — Гвадалахара) катастрофы

Малаги»[928].

Готовясь к грядущему кризису, партия укрепляла контакты с ВСТ, НКТ и социалистами. Учитывая, что о либералах Степанов также отозвался положительно, против кого же будут направлены действия в скором правительственном кризисе? Догадаться несложно. Однако в одном противники Ларго Кабальеро просчитались: анархо-синдикалисты в этом конфликте уже не были на стороне коммунистов и правых социалистов.

Позиция анархистов была двойственной: «Идею отделения военного министерства от управления правительством разделяют также и анархисты, однако они ставят непременным условием сохранение Кабальеро во главе правительства, усматривая в его лице гарантию против возможного крена вправо»[929]. А коммунисты, в отличие от анархистов, несмотря на все оговорки, готовы на это и «ценой ухода», и «ценой крена революции вправо». В этом и заключалось принципиальное разногласие двух сил по вопросу о Ларго Кабальеро. В то же время советские представители с тревогой сообщали, что в Валенсии (то есть в правительстве) у представителей НКТ «роман с Кабальеро против коммунистов»[930].

В момент своего военного триумфа Ларго Кабальеро оказался в максимальной изоляции. С коммунистами и либералами он уже поссорился, а сближение с анархо-синдикалистами только началось.

17 марта Степанов пишет о возможности в ближайшем будущем (десять дней) «форсировать реорганизацию министерства при другом министре войны или создать министерство без Кабальеро»[931]. Из контекста видно, что во втором случае слово министерство употреблено в смысле «правительство».

Вывод Степанова на этот раз категоричен и недвусмыслен: «Здесь все согласны, что директивы-советы из дому абсолютно правильны во всех вопросах, только в одном вопросе они превзойдены событиями, это в вопросе, касающемся возможности найти общий язык с Кабальеро. (Подчеркнуто читателем в Москве. Этим читателем скорее всего был Димитров, может быть — Мануильский[932]. Оба были обязаны донести столь важную информацию до Сталина — А. Ш.). Здесь все согласны признать, что дальнейшее согласие невозможно, что все возможности исчерпаны, что нужно взять руководящую позицию, заставить Кабальеро отказаться от поста военного министра и, если это понадобится, то и от поста председателя совета министров»[933]. Именно этот план будет в реальности осуществлен в течение ближайших месяцев. При чем осуществлен с ведома Москвы. И было бы очень наивно думать, что это могло быть сделано вопреки воле Сталина (тем более, что по окончании войны проводник этой политики И. Минев не был репрессирован, а продолжил работу в секретариате Коминтерна).

Публично Сталин все еще поддерживал Ларго Кабальеро. 20 марта, на встрече с Р. Альберти и М. Т. Леон он говорил, что «Ларго Кабальеро продемонстрировал свою готовность бороться с фашизмом. Он должен был оставаться на посту председателя Правительства»[934]. Но при этом Сталин уже прощупывает почву для перемен в республиканском правительстве в соответствии с планом Степанова: «Было бы лучше, чтобы военное руководство перешло в другие руки»[935].

Пытаясь понять Сталина, всегда нужно иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, он далеко не всегда говорил то, что думал, первым встречным иностранцам (а иногда, особенно в 1937 г. — и в ближнем окружении). Во-вторых, никогда не забывая о стратегических целях, тактически Сталин обычно действовал по ситуации, маневрировал[936].

Его люди сообщали из Испании, что пора свергать Ларго Кабальеро. Сталин не одергивал их, но предлагал пока начать с малого. 14 марта на встрече с Ворошиловым, Молотовым, Кагановичем, Димитровым, Марти и Тольятти Сталин высказался в том духе, что фигура Ларго Кабальеро на посту председателя правительства является, конечно, предпочтительной, и сейчас нет на этот пост лучшей кандидатуры. Но необходимо убедить его оставить пост военного министра и в ходе реорганизации правительства по возможности расширить позиции компартии[937].

Советский полпред Л. Гайкис тактично разъяснял руководству, что невозможно отделить вопрос о военном ведомстве от проблемы конфликта Ларго Кабальеро и коммунистов в целом. Гайкис считал, что после Гвадалахары «успехи на Центральном фронте внесли самоуспокоение и ослабили нажим со стороны всех сторонников радикальных перемен в военном руководстве и военной политике, который Кабальеро воспринял как борьбу, направленную против него»[938]. Сторонники премьера стремились использовать победу для укрепления его авторитета, используя против критиков патриотическую карту. Как писала «Аделанте» 20 марта, Ларго Кабальеро не нравится кое-кому «из наблюдателей того или другого иностранного государства»[939].

7 апреля, направляя донесение в Москву, Гайкис уже исходит из необходимости добиваться свержения Ларго Кабальеро, если он откажется сдать пост военного министра. Он сообщает, что окружение Ларго Кабальеро — Аракистайн, Барайбар и Агирре пытаются «путем закулисных комбинаций» сохранить «старика» в качестве премьер-министра, заняв пост военного министра одним из его сторонников[940]. Здесь Гайкис уже исходит из того, что Москва не собирается держаться за Ларго в качестве премьера.

Л. Гайкис утверждал: «Борьба реформистской верхушки с коммунистической партией облегчается рядом субъективных качеств престарелого и строптивного Ларго Кабальеро, действующего в силу специфических здешних условий в качестве политического диктатора»[941]. Может быть, Ларго Кабальеро и вел себя иногда как строптивный и харизматический лидер, но вот с его уходом граждане республики узнают, что такое настоящий авторитаризм, направленный против революционеров.

Противники премьера возобновили атаку на военное руководство, невзирая на то, что одержанную республиканской армией первую (и, как оказалось, — последнюю) очевидную военную победу. Но прокоммунистический блок критиковал и ее результаты как недостаточные. Гайкис надеялся, что растет поддержка идеи «смены военного руководства как решающей предпосылки обеспечения победы»[942].

Гвадалахара показала, что имеющаяся военная политика хорошо сработала, но для прокоммунистического блока ее изменение было уже делом принципа, путем к решению

вопроса о власти. После Гвадалахары стало очевидно, что Ларго Кабальеро был прав, когда подозревал, что борьба за военное руководство — это борьба против сложившейся при нем системы власти. И, по мнению Гайкиса, Ларго Кабальеро это понимал: он не пойдет на обновление командования, «тем более, что это связано с привлечением людей, в той или иной степени связанных с Коммунистической партией»[943]. Поэтому «разрешение вопроса о смене военного руководства неотделимо от дальнейшего исхода борьбы с коммунистической партией»[944]. «Таким образом, в ближайшее время может встать вопрос, либо сохранить нынешнее военное руководство, подвергая тем самым серьезному риску объективно возможную победу, либо обеспечить условия для победы хотя бы ценою некоторого серьезного внутреннего потрясения, вызванного вынужденным уходом Кабальеро с поста военного министра, если в конечном счете не удастся добиться конечных перемен»[945]. Финал фразы особенно примечателен. Что это за «конечные перемены». Очевидно, что Ларго Кабальеро должен был воспротивиться уходу его с руководства военным ведомством и чистке от его военных сотрудников — как раз тогда, когда республиканцам наконец улыбнулась военная удача. С какой стати отправлять в отставку военное руководство, которое смогло одержать первую несомненную победу? Зачем менять его на людей, связанных с компартией, которые еще не доказали, что будут руководить лучше, зато в случае победы наверняка свернут голову партнерам по Антифашистскому фронту, опираясь на штыки? И что делать инициаторам нынешней военной чистки, если Ларго Кабальеро не согласится на разделение постов? А он скорее всего не согласится.

Гайкис понимает, что «подобный исход мыслим лишь в результате согласия на него самого Кабальеро», а это возможно только под «угрозой политического кризиса»[946] — то есть снятия Ларго Кабальеро с поста премьера.

Если эта угроза не возымеет действия, «конечными переменами» станет свержение самого Ларго Кабальеро и его союзников, что не обойдется без «некоторого серьезного внутреннего потрясения».

1 апреля советник «Санчо» (Горев) также выразился вполне определенно: «Не стоит держаться во что бы то ни стало за Кабальеро. Он достаточно умный старик для того, чтобы понять, что компартия считает его участие в правительстве если не обязательным, то крайне желательным. Потому на каждый нажим компартии он отвечает угрозой кризиса... В случае его упрямства лучше выиграть войну без Кабальеро, чем проиграть ее с ним»[947].

Таким образом, после Гвадалахары у советских представителей и в коммунистическом руководстве возникает ощущение, что пора делить шкуру неубитого, но серьезно раненного фашизма. А значит, даже ценой «некоторого внутреннего потрясения» необходимо отстранить Ларго Кабальеро от руководства армией, а если он будет этому сопротивляться — то и правительством. Пора установить контроль над армией, чтобы после победы над Франко не упустить плоды победы.

То, что в итоге этих потрясений и чистки военных кадров Республика может потерять только-только появившийся и еще слабый шанс на победу — это не приходило в голову ни Гайкису, ни Степанову, ни поддерживавшим в итоге их линию советским лидерам.

В этих условиях коммунисты получили поддержку со стороны президента Асанья, который на встрече с представителями компартии выступил за отставку премьера с поста военного министра, «учитывая ряд личных качеств Кабальеро и его преклонный возраст». Но брать на себя ответственность Асанья не хотел и намекнул, что инициатива в этом вопросе должна исходить от партий, а не от президента[948].

В политической стратегии Коминтерна каждому были отведены свои места и сроки. Крикливых «троцкистов» можно изолировать силовым путем. Анархисты, как казалось, были успокоены и умиротворены, готовы были остудить свой революционный пыл и уступить этатизации. В социалистической партии влиятельные «центристы» стали лучшими союзниками компартии. Сам президент Асанья забыл о своем антикоммунизме и готов был идти на поводу у Москвы. И только Ларго Кабальеро во главе левых социалистов продолжал держать правительственный руль в сторону испанского пути революции.

* * *

Последняя пристрелка перед решающим политическим сражением произошла во второй половине апреля. 17 апреля правительство приняло Декрет о политических комиссарах, который должен был поставить этот институт под контроль правительства, а не партий[949]. Теперь аппарат генкомиссариата подчинялся военному министерству через голову генкомиссара, военный министр лично должен был назначить комиссаров и руководителей аппарата.

В докладе советника «Патри» о политработе говорилось, что сформировались две концепции в дискуссии о комиссарах: коммунисты отстаивают революционную идею, что комиссары — «вожаки солдатской массы», а реформисты — что «армия вне политики»[950]. Эта ситуация лишней раз подтверждает, что коммунисты далеко не всегда действовали по принципу «сначала война, потом революция». Им не нравилась революция синдикалистов, но они готовы были поддерживать тонус политической активности и даже конфликтов среди солдат ради того, чтобы военная сила была под контролем комиссаров в неменьшей степени, чем офицеров.

Д. Ибаррури, выражая мнение КПИ, резко отрицательно отнеслась к декрету 17 апреля, который был издан как раз в ответ на кампанию тех же коммунистов за дисциплину в армии. Но, с точки зрения коммунистов, бойцы должны были подчиняться приказам комиссара, а вот подчинение комиссара командиру нравилась партийным лидерам куда меньше: «Теперь хотят погубить инициативу комиссара, ограничить его деятельность бюрократическими рамками, в результате чего работа их будет совершенно бесполезна»[951].

«Комиссары должны зависеть от военного министерства, проводника единого командования, необходимость которого признает весь антифашистский фронт», — ответила Пасионарии социалистическая газета «Аделанте». «Товарищи из „Аделанте“ смешивают политику Народного фронта с личной политикой одного человека». Народный фронт — это коалиция, и институт комиссаров имеет «такой же характер»[952], — парировала «Френте

Рохо». «Аделанте» продолжила спор: «Некоторые военные комиссары, члены коммунистической партии, злоупотребляют своей должностью для вербовки многих членов для своей партии». Более того, «ежедневно говорится об укреплении политики коалиции, и вместе с тем ежедневно саботируется руководитель этой политики»[953], — разоблачает «Аделанте» двойственность позиции коммунистов в отношении Ларго Кабальеро.

Тем временем 23 апреля «Аделанте» обвинила большинство коммунистов-комиссаров в «нелояльной деятельности», а Урибе — в появлении хлебных очередей[954]. Понимая, что сейчас конфликт не ко времени, 24 апреля коммунисты объявили о прекращении полемики по этому вопросу[955], сопроводив это заявление многозначительным призывом: «Соцпартия должна для блага единства заставить замолчать людей, которые сеют развал в рядах пролетариата»[956]. Затишье в кампании коммунистов против сторонников Ларго Кабальеро оказалось затишьем перед бурей.

Нараставшая в Республике напряженность была связана и с политическими репрессиями, которые постепенно распространялись на левых.

На пленуме НКТ 16–20 апреля обсуждались репрессии, которые проводили коммунисты и их союзники против левых оппозиционеров. 15–16 апреля службой безопасности Хунты обороны Мадрида, действовавшей под руководством коммуниста (формально — члена ОСМ) Х. Касорлы[957], были произведены аресты и физические избиения «фашистов» в Мадриде. Аналогичные события произошли в Мурсии[958]. «Фашистами» были объявлены поумисты и анархисты[959]. Среди арестованных оказался известный командир-анархист Ф. Марото. Разразился скандал. «Эти преступные действия вскрывают наличие в Испании „чекистского“ политического терроризма», [960] — писала анархистская «СНТ» 17 апреля.

Пленум решил послать делегацию в Мадрид, чтобы она могла оценить ситуацию, сложившуюся в результате деятельности Хунты. Из Мадрида поступала информация о серьезных злоупотреблениях коммунистов. Результаты расследования не заставили себя ждать. Социалисты и анархо-синдикалисты опубликовали информацию о репрессиях, организованных коммунистами против представителей других течений в Мадриде. «У нас нет соответствующих слов, — писала „Солидадад обрера“, — чтобы охарактеризовать тиранию мадридских коммунистов, которые захватили контроль над столицей. Здесь практикуются произвольные аресты, убийства без суда, секретные тюрьмы, преследования прессы...»[961] Скандал разрастался все шире. Директор тюрем М. Родригес заявил, что ему неподконтрольны коммунистические узилища.

21 апреля правительство Ларго Кабальеро заявило о роспуске Мадридской хунты. Этим премьер усиливал и контроль за генералом Миаха, который вместе с Хунтой сделал Мадрид самостоятельной вотчиной и стремился возглавить всю армию Республики. «Становится ясно, — утверждала „Солидадад обрера“, — что чекистская организация, раскрытая сейчас в Мадриде, за создание которой отвечает комиссар безопасности Касорла, напрямую связана с подобными центрами, действующими под единым руководством и с определенным планом национального масштаба»[962]. Эти события не только дополнительно ухудшили отношения коммунистов и анархистов, подтвердив худшие подозрения последних, но и драматически воздействовали на развитие ситуации в Каталонии.

Каталонский узел

Центральную роль в исходе политического кризиса в Республике весной 1937 г. сыграли события в Каталонии, где на противоречия общеиспанского характера накладывалась также специфика, связанная с национальной автономией. Каталония с ее промышленностью была ключом к политической победе Республики и в Республике. Она была оплотом НКТ и ПОУМ, а значит — главным препятствием для осуществления политической стратегии КПИ и ее союзников. Она была промышленным сердцем республиканской зоны. Без компромисса с каталонцами — и националистами, и анархистами, не могла состояться победа. Но проблема заключалась не только в отношениях Республики и Каталонии, но и в конфликтах внутри Каталонии. Они завязались в настоящий Гордиев узел.

После Гвадалахары политические процессы стали сдвигаться во встречных направлениях. С одной стороны, у Ларго Кабальеро стали наконец налаживаться отношения с НКТ, а у ОСПК — с Компанисом. Но с другой стороны, стал нарастать конфликт между анархо-синдикалистами и ПОУМ с одной стороны и другими каталонскими партиями — с другой.

Во время Гвадалахары в Каталонии усилилось движение за сплочение сил республиканцев и помощь фронту, была проведена неделя помощи Мадриду. Собрали 1 млн песет, 14 вагонов с 140000 кг муки[963]. Вопреки представлению об эгоизме вождей Арагонского фронта, они спорили о том, какие части снова послать на помощь Мадриду. Анархо-синдикалисты не соглашались, что под Мадрид нужно отправить дивизию Маркса. Исглиес настоял на формировании 9 батальонов разных партий, «чтобы и анархисты участвовали в боях центра»[964]. Однако под Гвадалахарой справились без новых подкреплений из Каталонии.

Этот эпизод показывает, что силы Арагонского фронта можно было привлечь и к операции в Эстремадуре, где так нужна была их артиллерия.

Правительство также пошло навстречу Каталонии. 8 марта было заключено соглашение, вводившее представительство Каталонии в Главном совете обороны и Центральном штабе[965] для того, чтобы голос Арагонского фронта учитывался в общем военном планировании. Каталония признала право Центра назначать командующего фронтом, но по согласованию с Каталонией.

Отношения с центром постепенно налаживались. К этому времени в Каталонии был создан запас снарядов в 82000 штук, и в Центр отправлялось 1500 снарядов в день. В обмен каталонцы требовали оружия[966]. Однако Прието и Асенсио не спешили удовлетворять каталонские заявки, а «роман» НКТ и Ларго Кабальеро только начинался. Советские специалисты признавали, что, «не давая Каталонии оружия, центральное правительство подрывает общереспубликанский фронт, содействует анархистам и сепаратистам»[967]. За этой неуклюжей формулировкой, вроде бы направленной против анархистов и националистов — признание их фактической правоты в вопросе об оружии.

Анархо-синдикалисты в это время обрушились на Прието с тяжкими обвинениями: «...Прието, человек, который не колеблется принести в жертву тысячи людей на Севере

(имеется в виду Северный фронт, отрезанный от основной республиканской зоны — А. Ш.) ради того, чтобы добиться определенного финала...»[968] Обвинения Прието в капитулянтстве на Северном фронте были связаны с отказом от переброски авиации на север основной республиканской зоны, откуда она могла бы помочь блокированной Стране Басков. Если в критические осенние дни 1936 г. анархисты отправили на Центральный фронт свои лучшие части, то теперь, когда напряжение войны сместилось на Север, министр не спешил отправлять туда силы, без которых активные боевые действия были невозможны.

В 1937 г. Прието был готов подчиняться сталинским требованиям, так как он также опасался усиления Каталонии. Военная сторона дела считалась второстепенной. В октябре 1937 г. пассивная стратегия Прието увенчается падением Северного фронта и разгромом Страны Басков. «Определенный финал» будет достигнут, и то, что в мае могло показаться домыслами анархистов, станет печальной реальностью.

* * *

Пытаясь как-то улучшить положение с оружием, анархисты развернули кампанию за хотя бы частичное разоружение тыла. 14 марта было принято воззвание барселонского комитета НКТ, испанского и краевого комитетов ФАИ и Либертарной молодежи: «Все вооруженные силы Каталонии — в распоряжение и под руководство военного министерства Каталонского правительства. Оружие — для фронта, люди — на фронт, средства питания — на фронт»[969]. Но когда Иглиес попытался отправить 2 тысячи национальных гвардейцев на фронт, Компанис отменил это решение[970].

Дело было не только в том, чтобы отправить как можно больше вооруженных людей в окопы. Важно, чтобы после этого не оказаться в застенках у тех, кто сохранил козырь в рукаве — силовые структуры тыла. Советские специалисты с горечью отмечали: «Сейчас партии свои усилия направили не на то, чтобы бить фашизм, а на увеличение и вооружение своих частей, чтобы быть готовыми бить друг друга при разделе шкуры еще не убитого медведя»[971]. «В комитетах (политических партий и организаций — А. Ш.) имеются элементы, которые считают неизбежным столкновение внутри единого фронта, а отсюда — каждый из партийных комитетов стремится различными путями, под разными предложениями сохранить для этой будущей работы живую силу и как следует самовооружиться»[972]. Командир дивизии К. Маркса Дельбаррио прямо говорил советским товарищам: «Нам нужно кроме дивизии „К.М.“ сформировать еще одну дивизию для того, чтобы воевать с анархистами»[973].

Анархо-синдикалисты не собирались оставлять силовые структуры Каталонии в руках их оппонентов, особенно — ОСПК. Поэтому в Каталонии развернулась острая борьба за контроль над органами безопасности. За этот вопрос отвечала Хунта внутренней безопасности. Во время обсуждения вопроса об организации внутренней охраны развернулась настоящая склока между членами Хунты от НКТ и ОСПК. Как докладывал Антонов-Овсеенко, «Фернандес приставил пистолет к виску начальника полиции совета Саласа, но Айгваде пригрозил своим пистолетом Фернандесу»[974]. Эта ненависть

силовиков противостоящих политических блоков друг к другу (Фернандес — НКТ, Айгуаде — Эскерра, Салас — ОСПК) сыграет свою роль в дальнейшей эскалации конфликта.

Таким образом, сохранение части вооруженных сил в тылу было следствием взаимного недоверия партий и движений. Каждый призывал на фронт других и придерживал силы в тылу на случай столкновения. При этом анархо-синдикалисты, контролировавшие пост военного министра (советника) Каталонии, были в большей степени настроены на укрепление фронта за счет тыла, чем ОСПК и националисты.

Тем не менее, долгое время столкновения удавалось избежать. Спонтанные стычки вызывали возмущение всех сторон, и любители поиграть оружием тут же ретировались.

19 марта ФАИ выступила с манифестом, где потребовала коллегиального управления полицией, чтобы она не стала орудием одной партии. Компанис сначала возмутился опубликованием этого манифеста, назвал его «объявлением войны», но затем успокоился и только сказал, что анархисты могли бы выступить с этим месяца через 3–4, когда обстановка станет поспокойнее. Но анархистам нужно было именно сейчас сформулировать позицию по вопросу о силовых структурах, когда он стал центральной политической темой[975].

ФАИ выдвинула Фабрегаса на пост генерального директора безопасности[976]. Компанис ответил, что можно назначить гендиректором и анархиста, но с безупречной репутацией[977]. Действительно, Фабрегас был человеком неуравновешенным. Однако теперь неуступчивость «включил» первый секретарь ОСПК Коморера. Антонов-Овсеенко с неудовольствием докладывал, что он «упорствует на требовании отстранения анархистов от ответственных постов»[978].

Негрин, Прието, Альварес дель Вайо и Ларго Кабальеро советовали делегатам ОСПК не уступать анархистам[979]. Позиция первых трех понятна. Если верна информация о такой же позиции премьер-министра, это значит, что в марте он вел двойную игру с анархистами, нащупывая контакт с ними в противоборстве с коммунистами и смыкаясь в борьбе против них с правыми социалистами.

Неуступчивость Комореры серьезно накалила обстановку, генсек НКТ Васкес убеждал Антонова, что именно первый секретарь ОСПК является «основой раздора»[980].

Последней каплей стал захват членами ОСПК с помощью поддельных документов 26 изготовленных анархо-синдикалистами бронемашин, предназначенных к отправке на фронт[981].

26 марта в знак протеста против этой выходки анархо-синдикалисты покинули Женералитат. Начался правительственный кризис.

Сначала относительно быстро удалось договориться о восстановлении коалиции, при котором НКТ получала 4 места (раньше 3) и пост комиссара полиции Барселоны. Однако теперь «уперлись» радикальный анархо-синдикалистский лидер Шена и вполне договороспособный прежде Доменеч[982]. Их не устраивало, что безопасность отходила к

ОСПК.

Вместо того, чтобы договариваться дальше, Компанис создал временный Женералитат, куда включил помимо себя еще двух националистов, двух представителей от НКТ, одного от ВСТ и одного представителя робасайрес[983].

Областной комитет НКТ 28 марта потребовал провести чистку органов безопасности, создать хунту безопасности из представителей разных сил, проводить совместное расследование конфликтов делегациями НКТ и ВСТ. Ради поста генерального директора безопасности либо министра (советника) внутренних дел НКТ была готова пожертвовать постом военного министра[984]. Также предлагалось объединить все силовые структуры тыла в единый корпус безопасности[985].

В итоге долгих переговоров только 20 апреля был сформирован новый Женералитат. Кабинет покинул Абад де Сантьян, его заменил бывший председатель Экономического совета Капдевилья. Фернандеса переместили с безопасности на здравоохранение[986]. Это было проигрышем НКТ. Также ослабли и позиции военного советника — были созданы Высший военный совет и Совет военной промышленности под председательством Компаниса[987].

По словам Антонова-Овсеенко, вся эта «„кризисная“ борьба резко обострила отношения социалистов и анархистов»[988]. Если в начале года рассматривались возможности организационного объединения НКТ и ВСТ через Комитет связи, то теперь эта работа заглохла. «Надо точно отметить — тут дело не в анархистах. И социалистическое руководство явно остыло к „Комитету связи“»[989].

* * *

Отношения анархо-синдикалистов и коммунистов становились все более напряженными и в масштабах Республики. Острая критика компартии звучала на пленуме НКТ 16–20 апреля, который стал в этом отношении переломным. Пленум высказался за «отделение службы общественного порядка от коммунистических элементов», так как коммунисты используют свое положение для произвольных арестов[990].

Выступая на пленуме, арагонцы отмечали «большой антагонизм между марксистскими силами и нами». Марксисты вмешиваются в управление, как они привыкли это делать на других фронтах, и пытаются указывать, кому оставаться в тылу, а каким подразделениям идти на фронт. Астурийцы также говорили об «обструкции марксистов».

Каталонская организация указывала на «бойкот со стороны центрального правительства» в отношении Арагонского фронта и Каталонии, особенно в отношении просьб об авиационной поддержке и закупке материалов для производства за границей. И это в то время, когда НКТ организовывала военное производство, поставляла амуницию и бойцов на другие фронты[991].

В этой накаленной обстановке росло влияние наиболее радикальных групп. 27 апреля 1937 г. две батареи Арагонского фронта и активистов НКТ-ФАИ в Колонхе приняли резолюцию, предложенную радикальной группой «Друзья Дуррути» (т. н. «Резолюция в Колонхе»): «19 июля НКТ и ФАИ могли воспользоваться положением, которое им давало оружие, отнятое у побежденного фашизма, и революционное положение, которое они почти контролировали, чтобы провозгласить водворение своей социальной доктрины, либертарного коммунизма...»[992] Провозгласить — дело не хитрое. А вот как воплотить в жизнь? Но 19 июля анархо-синдикалисты пошли другим путем, более благородным по мнению «Друзей Дуррути»: «НКТ, подавая пример великого либерального[993] духа, подавая пример благородства и ясного антифашистского духа, призвала все организации и партии, чтобы вместе сотрудничать в деле строительства нового общества, которое не должно было принадлежать одной определенной группе, одной тенденции ... этому делу только она и посвятила свои усилия, не считаясь с тем, что должна была отступить от своих постулатов, от своих подлинных идеалов»[994]. И эти уступки не были по достоинству оценены коварными сторонниками государственности. Так что время уступок кончилось: «Мы не можем отождествить себя с ролью терпеливого Иова»[995]. Прежде чем вороны в тылу растолстеют «на внутренностях трупов наших павших в боях» товарищей, «мы предпочитаем, чтобы преступный сапог фашизма раздавил всех», как новый Атилла. «Но мы надеемся, что это не понадобится, так как революция еще не закончилась и сметет все препятствия в тылу»[996]. За этой перенасыщенной образами фразой крылось простая мысль — необходимость держать фронт против фашизма не может быть основанием для дальнейших уступок в тылу. Не нужно бояться франкизма больше, чем перерождения тыла. Это перерождение приведет или к поражению, или к новому подъему революции. Не нужно бояться новых столкновений, даже если это повредит фронту.

Такой дух авантюризма пока овладел лишь меньшинством анархо-синдикалистов. Но и «Солидариад обрера» 30 апреля поставила своих оппонентов на одну доску с фашизмом: речи коммунистов против социализации — «самая лучшая контрреволюционная работа и потому — отдел (часть — А. Ш.) подстерегающего нас врага»[997]. Впрочем, коммунисты уже давно отождествляли с фашизмом ПОУМ и радикалов ФАИ.

* * *

Получив пост советника (министра) внутренних дел, лидер ОСПК Коморрера развернул борьбу против рабочих патрулей — вооруженных формирований профсоюзов в тылу. Патрули обвинялись в экспроприациях, несанкционированных арестах и даже убийствах. Анархо-синдикалисты отвергали большинство обвинений и соглашались расследовать каждый случай, в случае необходимости наказывая виновных. НКТ категорически воспротивилась роспуску патрулей, увидев в нем разоружение рабочего класса перед лицом внутренней контрреволюции. «Вооруженные рабочие — это единственная гарантия революции. Пытаться разоружить рабочих — значит поставить себя по другую сторону баррикад», — писала «Солидариад обрера»[998]. Этот новый конфликт накалил и без того беспокойную обстановку.

При этом ОСПК запасалась где только можно оружием. Так, в декабре 1936 г. Генеральный секретарь ОСПК и советник Женералитета Х. Коморера вел переговоры с басками о поставке 500 револьверов и пулеметов для удара по НКТ. «Он готов был платить наличными и ожидал получить оружие самолетом». Министр Центрального правительства от басков М. Ирухо советовал баскскому президенту Х. Агирре «принять предложение, потому что это способствовало бы разгрому анархистов и за счет этого увеличивало влияние баскских промышленников и политиков»[999]. Во Франции закупкой короткоствольного (то есть нужного в тылу, а не на фронте) оружия занимался член ОСПК Р. Кортада. Об этом было известно Х. Негрину[1000], которому подчинялись пограничники. Но у Негрина и республиканских пограничников был жесточайший конфликт с анархо-синдикалистами за право контролировать границу. Отряды НКТ еще в июле заняли несколько погранпостов, через которые перебрасывали оружие и добровольцев из Франции. Негрин решил силой восстановить правительственную монополию на пограничный контроль (и, следовательно, на помощь из-за рубежа). Он нашел для этого на редкость «удачный» момент. 25 апреля карабинеры Негрина атаковали занятый анархистами пост Пучерда, где завязались бои.

В этой обстановке 25 апреля Р. Кортада был убит при невыясненных обстоятельствах. Поскольку он был бывшим анархо-синдикалистом, ОСПК обвинила в убийстве «мстительных» анархистов (хотя причины его гибели могли быть и совсем другими). Национальный комитет НКТ содействовал аресту в Молен де Лобрегат подозреваемых в убийстве Кортады[1001]. Расследованию дела помешала вспыхнувшая вскоре междоусобица.

Гибель Кортады была использована Коморрерой, контролировавшим по должности национальную гвардию Каталонии, для попытки разоружить рабочие патрули. Вооруженные отряды ОСПК и националистов при этом не распускались. Попытки разоружения вызвали перестрелки и гибель нескольких рабочих НКТ. Взаимные убийства рабочих произвели на лидеров синдикалистов удручающее впечатление. Для них, воспитанных на классовой рабочей морали, это была трагедия. Обращаясь к Х. Коморрере на заседании кабинета, представитель НКТ А. Капдевиля говорил: «Нельзя позволить, чтобы такое происходило. Рабочие убивают товарищей — рабочих». Коморрера, по-адвокатски повысив голос, ответил: «Это не имеет особого значения». Комментируя этот эпизод, Капдевиля продолжает: «Он не был человеком, который испытывал какие бы то ни было чувства к рабочему классу. Буржуа, холодный и амбициозный, он душой и телом отдался коммунистам»[1002]. Эти люди не считали друг друга товарищами.

В ответ на попытку разоружать патрули НКТ в Барселоне 29 апреля анархо-синдикалисты стали возводить баррикады, но на следующий день договорились их разобрать[1003]. Однако 1 мая ОСПК отклонила предложение ФАИ обсудить возможности предотвратить взаимное столкновение между членами двух организаций[1004].

Анархо-синдикалисты ждали от ОСПК удара в спину. 2 мая «Солидарidad obrera» писала, что они «хвалят нас пером, а в другой руке держат флорентийский кинжал»[1005]. «Кинжал» будет пущен в дело буквально на следующий день.

Обстановка в Каталонии накалилась до предела. Любой неосторожный шаг мог вызвать взрыв.

Версия #1

Зверобой создал 5 мая 2025 20:48:12

Зверобой обновил 5 мая 2025 20:54:07